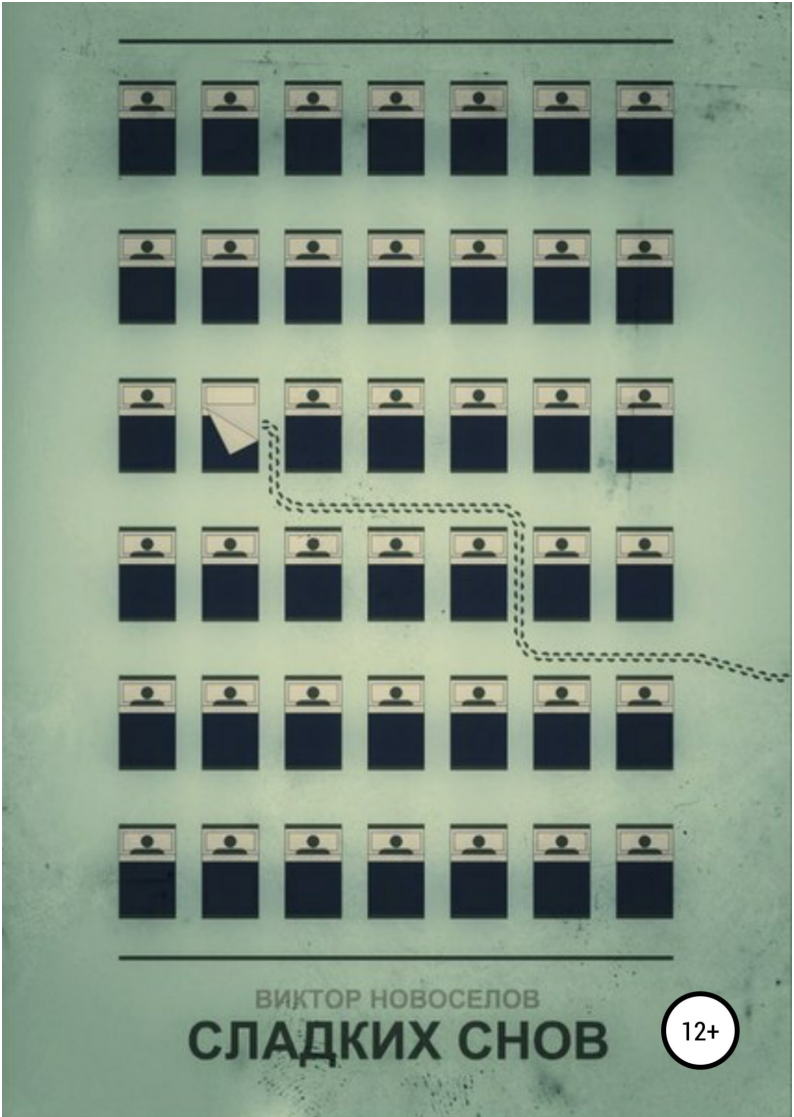

ВИКТОР НОВОСЕЛОВ
СЛАДКИХ СНОВ
12+

Виктор Новоселов
Сладких снов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35743699
SelfPub; 2018

Аннотация

За окном двадцать первый век, наш с вами обыденный мир с его радостями и заботами. В современном мире трудно найти человека, которого бы все устраивало в жизни, всегда найдется то, что хотелось бы сделать по-другому, да и сама жизнь не слишком балует нас радостями, то и дело окуная нас в серую рутину, вместо вечного блаженства. Но, благодаря науке, появился выход, возможность стать кем-то большим. Нам дарована возможность управлять своими снами. Справится ли человечество с соблазном не возвращаться в серую действительность? Увидим.

Содержание

1	4
2	9
3	18
4	28
5	51
6	61
7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	101

1

Вы когда-нибудь чувствовали себя одиноким? Да? Я так и думал. Каждый человек в определенный момент своего жизненного пути сталкивается с одиночеством. Но одиноким можно быть по-разному. Можно быть одиноким наедине с самим собой, когда кажется, что во всем мире остался только ты и никого больше, а с днем рождения поздравит только сотовый оператор, и то вряд ли. А можно быть одиноким в толпе людей, когда ощущаешь себя, как кошка среди сытых собак, вокруг тебя люди, но вы не вместе, вы все каждый сам по себе, как будто просто в какой-то момент случайно оказались в одной точке пространства.

К сожалению, ваш мир полный социальных сетей и публичности устроен, так что ты обречен на вечное одиночество. Ты можешь быть душой компании, иметь три триллиона друзей, но при этом быть вышеупомянутой кошкой. И в тоже время, когда в определенный момент тебе нужно будет найти уединение или потребуется помощь, три триллиона друзей тебя не поймут и отвернутся, и вот ты уже одинок в другом смысле. Все так, пока ты в струе – ты одинок вместе со всеми, когда ты стал собой – ты один, сам по себе, выхода нет…

Но есть и третий тип одиночества – абсолютное одино-

чество. То одиночество, которое испытывает человек навсегда заключенный в одиночную камеру. Обреченный провести в этой камере всю свою жизнь, он становится абсолютно одиноким. Ничто не может хоть как-то скрасить его пребывание в каменном мешке. Казалось бы, единственный шанс попасть в такую ситуацию в наше время – это добровольно стать отшельником, ну, или попасть навечно в клетку за какое-то жуткое преступление.

Но можно и по-другому, представьте, что все люди мира вокруг вас добровольно заключают себя в клетку, а ты остаешься на свободе один одинешенек. То есть все наоборот. Не тебя засунули в клетку, а весь мир добровольно залез в эту клетку, захлопнув перед тобой дверь…

И это как раз мой случай. Возможно, все, что я сказал выше покажется вам бредом, но подумайте, сохраните ли вы трезвый рассудок, три года проведя наедине с самим собой?

Итак, я Артем, да, кажется, меня зовут именно так. И если мне не изменяет память, то мне двадцать восемь лет, женат. Три года и четыре дня назад я оказался здесь, где нахожусь по сей день и вероятно останусь до конца дней своих.

Вот я сижу на старой ржавой бочке на берегу реки, курю папиросы и слушаю музыку. Это, пожалуй, единственное развлечение, которое осталось мне. Три года и четыре дня назад я не курил, и музыка в плеере казалась совершенно новой. А теперь меня мучает кашель от дрянных папирос, и я наизусть знаю все шестнадцать гигабайт музыки, которые

есть в плеере.

Бочка, на которой я сижу, стоит на небольшой каменной пристани, когда-то она служила гаванью для маленьких прогулочных лодочек, на которых в былые времена с удовольствием катались жители небольшого городка, располагавшегося чуть выше по течению. Это мой родной город, но теперь, как это ни прискорбно, здесь больше никто не живет. Кстати, хоть с рождения я и жил в этом городе, данную пристань вынуждено открыл для себя лишь эти злосчастные три года назад. Так уж устроен человек: ищет что-то особенное, как можно дальше от себя, а мир в шаге от него остается для него загадкой.

Думаю, в былые времена эта пристань была отличным местом для влюбленных пар, жаждущих романтики. С пристани на реку открывался потрясающий вид, солнце катилось к закату прямо перед глазами, сначала ласково и медленно касалось верхушек деревьев, а потом садилось за лесом, и, как бы прощаясь, подсвечивало его. Чуть ниже по течению стояли огромные разросшиеся плакучие ивы, свесившие свои ветви прямо до воды. Где солнечные лучи, играя на поверхности, подсвечивали их листву. Я живо представляю, как тёплым июльским вечером, здесь, прямо на этом же месте, где я сейчас сижу, сидели в обнимку влюбленные, они отдавались самому приятному чувству в мире – любви. Ах, любовь – замечательное чувство. Да, пускай, любовь коварна, она зла, пускай она проходит со временем, толкает нас на са-

мые безрассудные поступки, разбивает нам сердца заставляя обжигаться вновь и вновь, но достаточно того, что она дарует нам такие потрясающие моменты, те мимолётные мгновения счастья, которые мы пронесем через всю свою жизнь. За это любви можно простить все. Это потом будут боль, горечь и скука, а сейчас ты счастлив, а за счастье, к сожалению, надо платить. А любовь, даруя самое честное счастье в нашей жизни, берет соответствующую плату.

Я бы отдал последнее, что у меня есть, чтобы снова испытать что-то подобное, но судя по всему, не суждено и поделом, я сам своими руками убил свою любовь. А теперь, видимо, даже природа была против романтики. Сейчас на дворе стоял май, поэтому деревья уже проснулись, но уже вторую неделю стояла пасмурная погода, в силу чего казалось, что даже листья раскрываются не зеленые, а серые, но ничего, так не может быть всегда. Будет и на нашей улице праздник, например, в прошлом году, было очень тепло и солнечно… или в позапрошлом, я не помню.

А вот за моей спиной, метрах в трехстах, высится огромное серое здание, похожее на цех завода. Это здание стоит здесь очень давно, однако, совсем недавно его перестраивали, стройка закончилась… Как вы думаете когда? Правильно. Три года и четыре дня назад. Данное здание и является тюрьмой для человечества, точнее для его части. А я вынужденный смотритель данной тюрьмы. Я нахожусь на этом посту не насильно, никто ничего мне не скажет, если я его

оставлю, но, к сожалению, я не могу покинуть его, и сдать вахту мне некому, у меня просто нет выбора, по крайней мере, я его не вижу.

Думаю, у вас возникло множество вопросов. Зачем нужно это здание? Почему оно находится именно здесь? Почему я являюсь его смотрителем? Здоров ли мой рассудок? И тому подобное.

Для того чтобы ответить на все эти вопросы, придется обратиться к истории, и так вернемся на пять лет назад.

2

Пять лет – очень длинный срок, за это время сам человек и вся его жизнь меняются до неузнаваемости. За пять лет можно стать из мелкого служащего большим начальником, или из примерного семьянина превратиться в безрассудного алкоголика. И самое удивительное, что наперёд не скажешь, что ждет тебя впереди долгожданная вершина или придорожная канава. Что ждет нас впереди? Никто не даст вам точный ответ на этот вопрос.

Пять лет назад каждый из нас был кем-то другим, вот и я пять лет назад был молодым человеком, который полгода как окончил институт по специальности психология и устроился в среднеобразовательную школу просто психологом, набираться опыта.

Годом ранее я встретил свою будущую жену, с которой мы сочетались браком сразу после того, как я окончил институт. Ее зовут Лина, она старше меня на год. Мы встретились, казалось бы, случайно, она уезжала на работу с той же автобусной остановки, что и я. Честно говоря, я давно положил на нее глаз.

Она была какой-то особенной. Я, конечно, понимаю, что когда человек тебе симпатичен, ты всегда находишь в нем какую-то изюминку и упиваешься этим, хотя другому чело-

веку объект твоей симпатии покажется совершенно безынтересным. Но, тем не менее, было в ней то, что выделяло ее из толпы. Разумеется, она не являлась обладательницей третьей руки или хвоста, внешне она была просто хорошенькой чуть крупноватой девушкой.

Ее выделяла особенная манера поведения. Во всем, в ее стиле одежды, в том, как она двигалась, наблюдалось, некоторая неуклюжесть. И дело не в том как она одевалась, наоборот, она всегда старалась выглядеть как можно эффектнее. Лина носила платья, которые можно было бы смело одевать на званый ужин, на голове у нее всегда была красивая прическа, она никогда не могла позволить себе убрать волосы в тугой пучок как то диктовала мода того времени, а каблук ее туфель крайне редко был короче десяти сантиметров. Но при этом всегда что-то было не так. Одна непослушная прядь волос всегда выбивалась из прически, или бретелька бюстгальтера упорно показывалась из-за лямки платья. А слегка резковатая походка, больше похожая на мужскую, сводила на ноль утонченность, которой женщины добивались, надевая высокие каблуки.

Я бы сказал, что меня привлекала в ней ее естественность. Она, конечно, как свойственно всем девушкам, старалась походить на кем-то придуманные идеалы со страниц глянцевых журналов. Но при этом она не стала куклой, она была женщиной естественной и неповторимой. Именно эта некоторая ее неряшливость делала ее красивой. Делала ее особенной и

желанной.

Несмотря на то, что она мне была крайне симпатична, природная скромность упорно мешала мне подойти к ней и хотя-бы познакомиться. Мы довольно продолжительное время просто играли в гляделки, часто и подолгу смотря друг на друга. Она видимо ждала, когда я решусь на какой-нибудь шаг, а я… А я не знаю чего ждал.

И все-таки волей случая мы познакомились. Как-то летним утром я стоял на остановке и ждал свой автобус. Она появилась в легком свободного покроя сером платье до колен, и как всегда на высоких каблуках. Когда она проходила мимо меня, произошло что-то непонятное. Как потом в шутку говорила она: «Стрела амура меня сразила». И так проходя мимо меня она подвернула ногу и довольно зрелищно упала.

Я бросился к ней, подал руку, помог подняться на ноги, спрашивал все ли у нее в порядке. Она тем временем спокойно отряхнулась и оглядела себя. Потом посмотрела мне в глаза и, перебив мои расспросы, улыбнувшись сказала:

– Лина.

– Артем.

– Ну, хоть так познакомились…

– Да, может…

– Ты хочешь меня пригласить куда-то?

– Если ты не против.

– Конечно не против, после такого потрясения мне теперь полагается порция мороженного.

Вот так мы встретились не благодаря, а вопреки. Кто знает, ведь не упади тогда она на мостовой, то мы наверно еще некоторое время поиграли бы в гляделки, а потом наши жизненные пути разошлись, ужасно подумать чего человеку может стоить его пресловутая скромность и нерешительность. Подумайте над этим.

Но мне повезло. Вскоре, как я уже говорил, выше мы стали законными супругами. Хоть наш достаток и был невелик, он позволял нам снимать квартиру и жить не нуждаясь. Мы жили в нашем уютном гнездышке, где каждый новый день казался прекрасней предыдущего. Моя жизнь была такой, о какой я даже не мог мечтать, и за все это я считаю, надо сказать «спасибо» Лине, ну, и ее манере ходить на каблуках.

Но все меняется, в нашем мире постоянства не существует. То, что кажется незыблемым, разрушается в считанные секунды, то, что ты считал прекрасным, становится уродливым прямо на глазах.

Я помню, тот день, когда все начало меняться, я сидел перед телевизором, и в новостях первым сюжетом показали, как диктор берет интервью у какого-то маленького лысеющего человека с густой седой бородой:

– Христо Станкич, хорватский ученый сегодня обнародовал свое сенсационное открытие, вам слово доктор Станкич.

– Да, здравствуйте, если говоря коротко и простым языком, то, благодаря определенным манипуляциям, мы научи-

лись управлять человеческими сновидениями. То есть теперь человек может выбирать себе сон, он сможет ночью побывать тем, кем хочет, при этом, не сталкиваясь с определенными трудностями с которыми непременно придется встретиться в реальности.

– Доктор Станкич, то есть вы утверждаете, что можете контролировать сны? Смелое заявление! А как это происходит?

– Для начала я бы хотел, поправить вас, контролировать сны невозможно, процесс образования сновидения до сих пор не изучен, мы называем результат нашей работы сновидением для простоты, на самом деле, все несколько сложнее. Мы пошли гораздо дальше, я и мои коллеги научились воздействовать на мозг определенным образом, так что созданная воображением человека реальность будет являться для его организма не менее реальной, нежели его бедственная жизнь. С помощью разработанного нами устройства мы обманываем мозг, заставляя его верить в то, что он сам и придумал, то есть дуновение ветра в фантазии, по полученным ощущениям, будет абсолютно не отличимым от реального ветерка. Наш метод схож со сновидениями в силу того, что все переживания происходят только в мозгу человека, и его тело абсолютно не активно в данный момент, то есть в классическом понимании человек спит, а его тело отдыхает. А главное сходство со сновидением в том, что устройство работает только в тот момент, когда человек спит, процессу

пробуждения ото сна мы противостоять не можем, мы можем только позволить человеку управлять той реальностью.

– А что за устройство, которое как вы упоминали выше ответственно за данный процесс?

– Вот оно. – Христо Станкич достал из футляра, который ему поднес ассистент, небольшую микросхему, похожую на компьютерный чип. – Это и есть устройство, которое позволит людям навсегда изменить свою жизнь.

– Эммм, – интервьюер замялся. – Доктор, а как оно работает?

– Данное устройство при помощи хирургической операции помещается в мозг пациента, операция это, конечно, неприятно, но другого выхода, к сожалению, нет. Сразу после операции оно активно и уже воздействует на ваш мозг, вы можете лечь спать, и, придумывая себе новые миры, путешествовать по ним, а потом, насытившись желанной фантазией, вернуться в реальность. К сожалению, сам принцип работы прибора я объяснить не могу, он достаточно сложен, а мне не хотелось бы утомлять зрителей лишними деталями.

– Доктор, а как скоро вы начнете выпуск данных устройств?

– Он уже начат, пока мы действуем только на территории Хорватии. На данный момент проведено четырнадцать операций, конечно, в основном это добровольцы из числа работников нашего центра и члены их семей, но после успеха данных операций теперь в очереди стоит уже, ориентировочно,

пятьдесят человек.

– Спасибо, вам за интервью. Напомню, с нами был доктор Христо Станкич, со своим удивительным изобретением.

– Спасибо за внимание. Надеюсь, этим изобретением я дарую миру свободу, свободу быть тем, кем они хотят быть. До свиданья.

После этого диктор переключился на новости политики. Я выключил телевизор, меня, безусловно, заинтриговало данное изобретение, но серьезно я к этому не отнесся, в мире чуть ли не каждый день разрабатывается что-то уникальное, но людям не нужно интересное и увлекательное, им нужно только выгодное. А это изобретение не выгодно, ибо человек сможет придумать себе реальность, где деньги ему будут уже не нужны…

Но все оказалось иначе, к началу осени по всему миру отрылась просто куча клиник, работавших с устройствами Станкича. Когда я считал что это не выгодно, я ошибался, конечно, было не выгодно, что человек создаст сам себе реальность, где не будет денег. Но выгодно то, что ради создания такой реальности он продаст последнюю рубашку. Цена на устройство впечатляла, на эти деньги можно было купить себе хороший внедорожник, но, к удивлению даже, наверно, самого Станкича, люди продавали свои реальные квартиры, чтобы обладать воображаемыми благами, хоть, как говорили, для тебя эти блага не менее реальны, чем та самая квар-

тира.

Станкич выступил с речью, в которой сказал, что цена крайне высока, и он прекрасно это понимает, поэтому они работают над новым устройством. Я, честно говоря, не понимал, зачем ему делать устройство дешевле это же его прибыль, зачем делать ее меньше, никто в здравом уме так не делает, но в конце речи он сказал: «Свобода должна быть доступной». Эта фраза, по-моему, была ключевой, этот человек верил, что дает людям не просто какое-то современное ноу-хау, он действительно верил, что изменяет этот мир, верил, что делает его свободным.

И вот в середине ноября в центре Станкича выпускают вторую версию устройства. У него было четыре важных отличия:

Во-первых, теперь не было привязки ко сну, человек мысленно включал устройство и мог выключить его, когда хотел. То есть время пребывания по ту сторону фантазии было теперь неограниченно. Необходимость в этом появилась в момент, когда люди, у которых было устройство, начали пригоршнями глотать снотворное, чтобы продлить грезы, что, разумеется, вылилось в ряд неприятных инцидентов.

Во-вторых, устройство отныне не способно было передавать болевые ощущения. Связанно это было с тем, что полет фантазии человека мог завести его очень далеко. И некоторые люди в своих грезах переходили разумные пределы. А поскольку боль из фантазии воспринималась организмом

как реальная, то несколько человек так и не вернулись из сновидений.

И третье, самое главное – устройство стало доступным. Теперь его стоимость была несколько больше моей месячной зарплаты. В силу этого почти каждый человек мог позволить себе это.

Так началось победоносное шествие данной технологии по нашей планете.

3

Однажды мне довелось вести классный час среди учеников десятого класса. Тема классного часа была «Выбор будущей профессии». Конечно, когда мне сказали провести это занятие, я понимал, что оно никому не требуется. Лишь бы была галочка в отчетных документах. Когда я вошел в кабинет, на местах была едва ли половина класса. Разумеется, кто задумывается о выборе профессии в шестнадцать лет, это потом, когда тебе будет двадцать пять, и ты начнешь потихоньку принимать антидепрессанты, то в сознании появится мысль, а не ошибся ли я в выборе?

Что ж я отвлекся, вернемся к уроку. Я не был наивным и понимал, что раздавать этим ребятам тесты, как минимум бессмысленно. Я решил с ними просто поговорить полчаса и отпустить по домам. Я по очереди спрашивал, какие у кого есть интересы и тому подобное. Как показал опрос, своих интересов уже ни у кого не осталось, родители старательно поработали над детьми, привив необходимые, по их мнению, интересы. Они все были будущими служащими с хорошей зарплатой. Им всем было интересно заниматься с репетирами, и всем не терпелось поступить в определенный институт. Никто не понимал, зачем это ему, но мантра «Так будет хорошо» имела замечательное свойство. Я, конечно, понимаю,

что по окончанию школы человек еще не может даже себе объяснить, чего он хочет от своей жизни, поэтому его надо несколько подталкивать к решению, именно подталкивать, а не перекраивать, как захотелось. Эти мысли я оставил при себе, мне не хотелось, чтобы какая-нибудь сердобольная мамаша прибежала потом к директору и сказала: «Я так хотела, чтобы мое чадо занималось тем, чем я хочу, а из-за этого, простите, психолога у чада теперь свое мнение появилось». Ну, как-то так.

Я сидел и, пропуская мимо ушей, слушал, как интересно заниматься географией на курсах такого-то института. Потом я говорил что-то вроде: «Молодец, замечательно». Вот очередь подошла к последний парте, за которой сидел тщедушный юноша, за все время не произнесший ни слова.

– А мне ничего не надо, – сказал он и уперся взглядом в стол.

– То есть?

– Все, что я хочу, у меня уже есть, – опять взгляд в стол.

– Расскажи поподробней.

– Я хотел быть пилотом, но здоровье мне не позволяет. Точнее раньше я думал, что не позволяет.

– Прости, но ты вылечился от какой-то болезни? – я окончательно растерялся.

– Нет. – Мальчик снисходительно улыбнулся. – Вы слышали об устройстве Христо Станкича?

– Да.

– Так вот, родители дали мне возможность быть пилотом. Они подарили мне это устройство, и теперь я пилот, стоит только лечь спать.

– Но ведь это только фантазия, не так ли?

– Нет, вы не понимаете, там я пилот, это та реальность настоящая, а в этой я просто калека. Тот мир – мой мир. А этот – ваш. И я вынужден зачем-то возвращаться сюда. Может, закончим урок?

– Ты опаздываешь?

– Да, у меня скоро вылет.

– Ну что ж все свободны. Спасибо за урок, – мне не хотелось задерживать ребят, развивая тему.

Этот парень не выходил у меня из головы. Он действительно считал себя пилотом. И меня это озадачивало. Неужели тот мир, созданный устройством, настолько реален, что не отличается от нашего? И в таком случае, неужели там действительно можно быть тем, кем хочешь? Самое удивительное, что чем чаще я возвращался к этим вопросам, тем сильнее хотел установить данное устройство.

Я решил поделиться данными мыслями с самым близким человеком – Линой. Усадил ее на диван и рассказал ей историю этого мальчика, бродя туда-сюда около дивана. После чего предложил попробовать данное устройство.

– Да, конечно, давай попробуем. Я сама хотела тебе предложить, но постеснялась.

– Почему?

– Решила, что ты подумаешь, будто я бегу от тебя.

– Глупости… Стой, а ты не думаешь что я бегу от тебя? – я сел на диван рядом с ней.

– Нет, конечно, куда ты от меня денешься?

– Какая самоуверенность… – я укусил ее за мочку уха. – И все же я сомневаюсь.

– Эй, – она подсела поближе и заглянула мне в глаза. – Ты же всегда хотел побывать на Марсе, долететь до Бетельгейзе или как ее там… Не важно. Так вот что-то подсказывает мне, что это единственный шанс.

– Ты умеешь убедить. А что будешь делать ты?

– Я буду всю ночь бить своего шефа битой. Он меня допекает днем, ночью я забиваю его до смерти. Все по справедливости.

– Все я согласен.

Вот в такой непринужденной обстановке мы и приняли столь серьезное, и как покажет время, судьбоносное решение.

Если мне не изменяет память, то через шесть дней после вышеописанных событий мы сдали все необходимые анализы и прошли все обследования, которые требовались. Врачам требовалось еще четыре дня на обработку полученной информации и вынесение вердикта. Все эти четыре дня Лина провела в полном нетерпении. Помню в детстве я являл-

ся фанатом одной книжной серии, и выход каждой книги сопровождался такими же мытарствами. Когда до заветной даты оставалось всего несколько дней, ожидание становилось особенно тягостным. Хочется, чтобы время прошло как можно скорее, и в тоже время кажется, что каждый следующий час длиннее предыдущего. Я думаю, каждый из нас знаком с подобным чувством. Так вот Лину снедало ожидание, я же относился к этому значительно спокойней, мной двигало скорее простое любопытство.

В назначенный час мы явились на прием. Вернее мы явились за полчаса до назначенного времени, в силу того, что Лине очень не терпелось сюда приехать и вообще «Сегодня выходной, маршрутки плохо ходят, а вдруг очередь, или мы последние, врач увидит, что нас нет и домой пойдет». Или за городом разобьется самолет, перевозивший образцы самых страшных вирусов на Земле. Или разразится земная твердь, дьявол явится на Землю, и наступит апокалипсис. Разумеется, последнее я добавил от себя, но некоторые заявления Лины граничили с тем, что я сказал выше.

Что ж мы сидим в коридоре около приемной, точнее я сижу. Лина в броуновском движении по нему передвигается. Мне уже начало надоедать ее метание, когда нас, наконец, пригласили к врачу.

Мы зашли в кабинет, и врач сразу пригласил нас сесть. Это был пожилой мужчина с чисто выбритым лицом, копной стильно стриженых седых волос и аккуратными очками в зо-

лотой оправе на носу. Его вид внушал доверие, но, видимо, он достаточно много пил, его выдавали заплывшие глаза и характерные красные пятна на лице. Тем не менее, сейчас он не был навеселе, это я понял по отсутствию запаха и по четкости движений, хотя из-за долго употребления его руки уже начали мелко дрожать.

– Здравствуйте, Лина. Добрый день, Вадим, – сказал он держа две папки в руках.

– Я… Артем, – сказал я.

В этот момент повисла гробовая тишина. Было слышно только, как за окном по дороге едут автомобили. Врач стал пунцовым. Отложил папку Вадима, которая была у него в руках и долго рылся в столе.

– Ах, да вот она. Как же я мог забыть интересно… интересно… – он еще долго что-то нечленораздельно бормотал, разглядывая папку с моим именем.

– Может вы нам все-таки уделите внимание? – если Лина начинала так говорить, быть беде, скоро она выйдет из себя.

– Да, конечно, прошу простить меня, – он встрепенулся, как будто его только что разбудили. – Лина, вы можете прямо сейчас пройти процедуру у нас все готово, потом пару дней вас понаблюдаем, и если все будет замечательно, а я уверен в этом, вы отправитесь домой.

– Замечательно, – сказала Лина и начала качаться на стуле вперед-назад, как душевнобольная.

– А я так не могу сделать? – спросил я. Меня неприятно

кольнуло в сердце то, что Лина посчитала необходимым порадоваться только за себя.

– Тут все не так просто, – ответил врач.

– Разъясните? – меня начинало откровенно бесить, то, что Лина вообще не следила за происходящим, а сидела и пританцовывала только ей слышному мотиву, мурлыкая себе под нос.

– Артем, ваш случай в своем вроде уникален, – врач выдержал паузу – Вы не сможете пройти процедуру.

– У меня плохие анализы? – я испугался, очень испугался. В сознании всплыла статистика раковых больных, и фотографии невинных больных раком детей, после чего в ушах стало слышно, как стучит сердце.

– Нет, что вы! Могу заверить вас, что с вами все в полном порядке, – сказал врач, снисходительно улыбнувшись. – Дело в том, что… Как бы вам объяснить-то? Ну… ладно. Понимаете дело в том, что на Земле есть люди, которым нельзя установить «устройство Станкича». Я не буду углубляться в медицину, просто скажу, что есть определенное количество людей, на которых устройство не действует, мы можем провести вам операцию установить устройство, но оно не будет функционировать. Это ни в коем случае не аномалия, просто особенность работы вашего мозга.

– Неожиданно, я думал любой человек может использовать данное устройство…

– Практически любой, – перебил меня врач. – Честно го-

воря, статистика гласит, что людей, мозг которых не воспринимает данное устройство, всего 0,03% от всего числа обследуемых.

– То есть мне неслыханно повезло. – ухмыльнулся я.

– Ну, если брать все население земли вас таких около двух миллионов.

– Тогда мне точно будет нескучно, – засмеялся я.

– Вы не очень расстроились. Это удивительно! Обычно, когда фиксируется подобное явление, у людей возникают вспышки агрессии, были даже случаи нападения на врачей.

– Я бы не сказал, что это вопрос жизни и смерти для меня, скорее это вопрос любознательности, поэтому…

– Мы не будет делать процедуру! – Лина, можно сказать, прокричала это, к слову сказать, когда врач заговорил о моих проблемах, она вообще замерла.

– Вам вовсе необязательно…

– Нет, я так не могу поступить, мы решили сделать это вместе. Раз один из нас лишен этой возможности, то и второй не будет проходить процедуру.

– Спасибо, – я смотрел Лине в глаза, она улыбнулась, но было отчетливо видно, что улыбка натянутая, она колеблется. – Но я бы хотел, чтобы ты прошла процедуру, я знаю, как ты ждала этого и не хочу служить для тебя помехой.

– Нет, я не могу, я не должна, я не… хочу.

– Не надо обманывать себя, я же не слепой. У тебя все хорошо. Ведь я прав? – обратился к врачу.

– Абсолютно никаких противопоказаний.

Лина согласилась на процедуру, конечно, она пыталась изобразить досаду о том, что мне недоступно данное удовольствие, но у нее не очень получалось, ее глаза светились счастьем. А я был рад, сделав ее счастливой.

Сразу после выписки Лины, наш быт вернулся в прежнее русло. Она включала устройство только во время ночного сна. И каждое утро битых полчаса рассказывала мне о том, где она была прошедшей ночью. Первое время она старалась быть сдержанной в своих рассказах, понимая, что я лишен этого, она старалась подбирать эпитеты победнее. Но со временем она перестала сдерживаться, и каждое утро выливала на меня нескончаемый поток информации. Так прошел примерно месяц, и кроме как за завтраком, этой темы мы больше не касались.

И вот спустя ровно месяц после процедуры я решил сделать любимой сюрприз:

– Лин, помнишь, ты неделю назад рассказывала о том, как ты побывала в Берлине и о том, как тебе там понравилось?

– Нет, честно говоря, не помню, я много где бываю, – засмеялась она.

– Так вот, у нас же скоро отпуск. И я купил нам с тобой путевки в Берлин.

– Артем, – улыбка сошла с ее лица. – К сожалению, у меня не будет сейчас отпуска, очень много работы. Прости, что

испортила сюрприз и не предупредила.

– Почему ты раньше не говорила об этом?

– Да заметалась немного. Ты можешь вернуть билет?

– Конечно, пока еще не слишком поздно.

– Прости, пожалуйста, не дуйся, – она встала из-за стола и непринужденно начала собираться на работу.

Не сказать, что данная ситуация меня рассердила, скорее раздосадовала. Причем вовсе не тем, что Лина отказалась от поездки из-за работы, это вполне логично объяснимо. Я был раздосадован тем, что ей это было абсолютно неинтересно, как будто я предложил ей сходить в соседний двор выбросить мусор, а не поездку в Берлин. Конечно, я понимаю, что благодаря устройству, она там уже «была», но это же совсем другое. Хотя, видимо, мне не понять.

4

Спустя неделю мы привычно сидели за завтраком, Лина с кружкой кофе в руке воодушевленно рассказывала мне о том, как она сегодня прекрасно отдохнула после рабочего дня, лежа на пляже Рио-де-Жанейро. Тут зазвонил телефон, и я взял трубку:

– Слушаю.

– О, привет Тема, рад тебя слышать, – в трубке раздался жизнерадостный голос. Это был Жора, он приходился двоюродным братом Лине и волею судьбы работал с ней в одной конторе.

– И я рад, какими судьбами?

– Да хотел спросить как дела ваши?

– Все отлично. А что это ты вдруг интересуешься? – действительно, мы с Жорой очень редко общались, разве что на больших семейных праздниках перекидывались парой слов.

– Ну, я же беспокоюсь за сестру. Как она там? Нашла новую работу?

– Новую работу?

– Как же, ее две недели назад рассчитали. Она как это устройство себе в голову установила, так приходила на работу и спала весь день. Начальство терпело-терпело. да и уволило ее. Так как у нее с работой?

– Я был не в курсе… – пробурчал я в трубку и отключился.

Лина тем временем беззаботно пила кофе и так же что-то лепетала, казалось она даже не заметила, что звонил телефон, и я с кем-то разговаривал.

– Лин, а я даже не знал, что тебя уволили, – сказал я, все еще пребывая в некоторой прострации.

– Бывает, – она качнула головой и продолжила пить кофе как будто я ей сообщил, что сегодня будет дождь.

– Что значит бывает!? Тебя две недели назад выгнали с работы за то, что ты «спала» все время! А мне ты говорила, что включаешь устройство только ночью! И где ты была все эти две недели!? – меня проняло, я в первый раз в жизни орал на Лину.

– Что ты разорался? Ты думаешь ты пуп Земли? Тебя же даже школьник без проблем сможет обвести вокруг пальца. Я выходила из дома делала вид, что иду на работу, а сама кружным путем возвращалась назад и ложилась «спать».

– Зачем?! Тебе что не хватает нашей реальности?

– Ты кто такой вообще мне претензии предъявлять?

– Я твой муж, если ты не в курсе!

– Да зачем ты мне нужен? Нищий психолог! Ты никому не нужен! Если бы я в тот проклятый день не подвернула ногу, у тебя бы даже сил не хватило, чтобы познакомиться!

– Лина, ты что перегрелась? У тебя никогда не было ко мне претензий. Почему ты, вот так резко поменяла свое мнени… Устройство! Конечно, ты там на самом деле не по Бер-

линам разъезжаешь?

– Конечно, мой дорогой идиотик! У меня там нормальная жизнь. С красивыми машинами, большими домами… и страстными мужчинами. Честно сказать, в глубине души я мечтала о такой жизни, хотела купаться в роскоши. И только познав эту сладкую жизнь, я поняла, с каким неудачником связалась. Но мне приходится жить с тобой и врать тебе, чтобы ты содержал меня в этой твоей реальности.

– Это уже перебор! Ты отдаешь себе отчет в том, что ничего этого на самом деле нет? Из нас двоих за этим столом нищей скоро будешь именно ты, а не я.

– Знаешь, – она перегнулась через стол ко мне и улыбнулась. – Я тебе очень благодарна, за то, что ты такой мягкий, как тряпочка. Ведь если бы ты тогда в больнице сказал, что не хочешь чтобы я проходила процедуру, то я бы никогда не попробовала настоящую жизнь на вкус, и не узнала какое ты все-таки жалкое ничтожество.

– Но я думал о тебе. Я не хотел запрещать тебе процедуру просто, потому что сам не мог ее пройти, это эгоизм.

– Пф-ф-ф, говорю же тряпка, – тут она продолжила похотливым голосом, – А знаешь, что на самом деле я сегодня ночью делала? Сегодня в своем доме, в гостевой спальне на втором этаже я принимала трех гостей, надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

Тут мое терпение закончилось, я бросил в нее чашку, которая была у меня в руке. Но какая-то сила помешала мне,

рука дрогнула, и я попал в стену заметно правее Лины.

– Как ты смеешь на меня руку поднимать? – завопила она, так сильно, что целостность моих барабанных перепонок казалась теперь сомнительной.

– Я на тебя и руку не поднял, такая тряпка, что даже кружкой в тебя попасть не посмел. Но лучше быть тряпкой, чем напомаженной куклой. Все! Я думаю, ты достаточно сегодня сказала! Завтра мы разводимся! Через пару месяцев с радостью буду смотреть, как ты будешь валяться в придорожных кустах, «принимая гостей», как ты выразилась, за еду! Прощай!

Я собрался и ушел, хлопнув дверью.

К вечеру злоба немного отступила, пришло осознание того, что Лина видимо просто запуталась в своих мирах. Конечно, мне было противно представлять, что она там творит в своих «снах». Но это моя жена, моя Лина, которая никогда не жаловалась на достаток и не искала роскоши. Она любила меня таким, каков я есть со всеми недостатками. Устройство извратило ее, подобно Змею-искусителю, оно превратило Лину в другого человека. Из красивой девушки, для которой роскошь просто заменитель жизни, она превратилась в очередную «принцессу», считающую материальные блага превыше всего, и только они делают людей счастливыми. Видимо, ей нужна помощь. Хотя сама она, конечно, этого не осознает, подобно героиновому наркоману. Меня весь этот

день кидало из огня да в полымя. То я хотел прямо сейчас сходить в ЗАГС и подать заявление, то хотел бежать домой обнимать Лину и говорить, что все прощу и помогу ей выбраться из ее «сновидений». В итоге я решил еще раз с ней поговорить, если разговор продолжится в том же русле что и утром – то придется разойтись, если нет – найдем компромисс.

Дома было подозрительно тихо, я нашел Лину спящей, она, мирно посапывая, лежала на диване одетая в мой банный халат. Я знал, что человека с устройством невозможно разбудить пока он сам не захочет, поэтому даже не стал пытаться. Мне было любопытно, что она сейчас там делает. Может быть, она «принимает гостей», а может, сидит на вершине Эвереста и обдумывает случившееся. Я надеялся на второе, но мне никогда не узнать правды.

В тот день я приготовил себе скромный ужин, и коротал вечер с книгой. Лина так и не пожелала проснуться. Она спала как ребенок, лицо было умиротворенным, грудь мерно поднималась и опадала в такт дыханию. Я и представить себе не мог, что утром это чудесное создание могло произнести такую гневную и желчную тираду. А особенно тягостно было сознавать то, что милая, красивая Лина, лежащая передо мной на диване, прямо сейчас, в этот самый момент была где-то далеко, и там она уже не была самой собой, она была другим, абсолютно чужим мне человеком. Где ты сейчас, Лина? У меня не было и быть не могло ответа на этот вопрос.

Я прождал до одиннадцати, но Лина так и не проснулась, я накрыл ее пледом и сам отправился спать в нашу постель.

Утром ничего не изменилось, Лина в той же позе продолжала спокойно спать. Я перекусил и отправился на работу. Вероятно, было бы логичным остаться с ней и следить за ее самочувствием. Но ее самочувствие не вызывало никаких опасений, она выглядела совершенно здоровой. Более того, судя по тому, что она вчера мне сказала, ей там абсолютно комфортно. И раз у нее там своя жизнь, то мое присутствие вовсе необязательно.

Рабочий день прошел совершенно обычно, не произошло ничего, что удивило меня или как-то задержалось в памяти. Обычный рутинный день, один из тысячи таких же. Дома все было по-прежнему, Лина не сместилась и на миллиметр, точно такой же я ее оставил утром. Я поел и от нечего делать уселся на диван в ноги Лине и включил телевизор. Я попал на выпуск новостей.

«…После чего Гуннар Бриан скончался. На сегодня все, с вами была Марина Левина, до свидания».

Я сразу выключил телевизор, к сожалению, только в голливудских фильмах, когда ты включаешь телевизор, а там специально для тебя сразу начинают сначала показывать интересующий тебя сюжет. Конечно, сюжета, который бы меня заинтересовал, в сегодняшнем вечернем блоке новостей не было. И к тому же первые слова диктора были о том, что

кто-то умер, а это не очень хорошо. Гуннар Бриан. Кто это? Может композитор? Я не знал. Слушать сейчас известия о чьей-то смерти мне не хотелось, у меня хватало своих бед.

Я какое-то время просто маялся бездельем, а потом отправился спать, безусловно, рановато, но вон Лина уже вторые сутки спит и ничего.

Утро в точности повторяло предыдущее, я так же сходил проведать Лину, которая так же спокойно спала. Потом так же отправился готовить завтрак, чтобы заполнить уже становившуюся гнетущей тишину в нашем доме, я решил включить телевизор.

По традиции утренний эфир заполняли различные полезные программы, которые на самом деле никто не смотрел, они нужны были лишь для фона. Я сидел за столом и пил кофе, когда ведущий сообщил, что пришла пора выпуска новостей: «Здравствуйте, в эфире выпуск новостей, с вами Денис Коршунов. Вчера вечером норвежец Гуннар Бриан стал первой жертвой, так называемого «устройства Станкича». Сорокапятилетний отставной военный, являвшийся вдовцом, прошел процедуру по установке данного устройства. Судя по всему, Бриан, проживавший один, сразу после выписки из больницы пришел домой и впал в состояние «сна». Гуннар ни разу не выходил из этого состояния и вскоре умер от истощения, поскольку не принимал пищу и не пил жидкость. Соседи вызвали полицию, когда почувствовали запах. Христо Станкич пока воздерживается от комментариев…»

Я выключил телевизор. Рука дрогнула и кружка кофе выпала из моих рук, я довольно сильно ошпарил ноги, но даже не почувствовал это.

«Идиот!!! – закричал я: – Ну как можно быть таким идиотом!».

Я вскочил из-за стола и подбежал к Лине. Я начал ее трясти, кричать на нее, даже отвесил оплеуху, но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Так что же теперь делать? Почему я даже не задумался над такой возможностью? А ведь если бы Бриан пролежал нетронутым подольше, то моя жена умерла бы, когда я находился рядом с ней и вероятно даже сообразил бы, что произошло.

Я какое-то время суматошно топтался около Лины, а потом все-таки нашел решение. Я оделся и побежал в клинику Станкича. Сам я ничего не смог придумать, так может люди, которые разработали эту штуку, смогут придумать какое-то конструктивное решение.

Не смотря на довольно ранний час, клиника была уже открыта, но молодая медсестра на регистрации попросила подождать, пока люди не выйдут из приемной. Я рассказал ей о происходящем, и о том, что моя жена видимо, решила повторить судьбу Гуннара Бриана. Она захлопала глазами и сказала: «Кто такой Гуннар Бриан?». Тут помощи ждать не следовало, но я все-таки решил дождаться врача, может он хоть что-то знает.

Я прождал всего каких-то десять минут, но эти минуты

казалось, тянулись бесконечно. Я ходил по комнате туда-сюда, мое поведение иронично напомнило мне поведение Лины в этом же кабинете. Но я не мог в силу обстоятельств полностью оценить ироничность ситуации.

Когда дверь открылась из нее вышли двое, ребенок примерно десяти лет, плачущий в голос, и судя по всему его мать, держащая его за руку, что ж это их выбор. Я вопросительно посмотрел на медсестру, и когда она мне кивнула, я вбежал в приемную.

Врач на приеме был тот же, что и в тот день, когда мы пришли проходить процедуру. Я сел напротив него и вывалил на него вкратце историю. Он внимательно меня выслушал, потом снял очки и откинулся в своем кресле, потирая глаза. И немного так посидев, он заговорил.

– Для начала я хотел принести вам свои извинения касательно данной ситуации. Естественно, когда люди проходят процедуру, мы не ожидаем подобного эффекта. К сожалению, этот случай не единичен.

– Не единичен? Я думал Гуннар Бриан первый?

– Скажем, первый из обнаруженных. А сколько еще стариков, вдовцов, людей, которым просто не везло в жизни, сейчас лежат дома и «спят»? А кто-то уже не спит, вернее, спит, но другим сном, вечным.

– Ваши слова звучат бесчеловечно! Неужели вы ничего не можете сделать? Прекратите! Уберите из головы моей жены устройство!

– Успокойтесь, пожалуйста, – он примирительно поднял руки. – Я понимаю ваше негодование. Но выслушайте меня. Хорошо?

– Попробую.

– Чудесно. Так вот, пока человек видит «сон», устройство активно и воздействует на мозг, чтобы его выключить и извлечь необходимо, предварительно пропустить по нему импульс. И если устройство активно импульс приведет к тому, что мозг будет поврежден необратимо. Ну, а если же мы попытаемся просто удалить из мозга включенное устройство, то это попросту уничтожит сознание человека.

– А как же вы удаляете вообще это устройство. Или это невозможно? Вы об этом умолчали?

– Вы снова поспешили с выводами. Если человек добровольно в бодрствующем состоянии решит избавиться от устройства, то не возникает никаких проблем. Но вот есть случаи, когда человек не хочет покидать свои грезы. И это уже, к сожалению, сравнимо с пандемией по масштабам. Люди по всей Земле засыпают, чтобы не проснуться. Мы пытаемся ограничить доступ к устройствам, но это сизифов труд. Мы не делаем процедуры детям, люди теперь дополнительно проходят психиатрическую экспертизу, но это не помогает. Ничего не помогает.

– Закройте программу!

– Боюсь теперь это невозможно. Вы видели, сейчас выходили малыш с мамой?

– Да, разумеется.

– Так вот его мама уже давно обладает устройством и хочет установить своему чаду такое же. Но как я сказал это отныне запрещено. На что малыш расплакался, а мамаша открытым текстом заявила мне, что знает, где ее сыну сделают процедуру без проблем.

– Но откуда так много устройств.

– Знаете, не углубляясь в подробности, у «устройства Станкича» не столь сложная конструкция, как кажется. Поэтому и появились подделки, не уступающие оригиналу.

– Так, подождите! С ваших слов я понял, что в мире ситуация плачевна. Это безусловно печально. Но я так и не понял, что же делать мне?

– Ну-с-с.. – он порылся в столе и достал несколько прозрачных пакетов для капельницы. – Вот ваше единственное решение.

– Что это?

– Питательный раствор. Он будет поддерживать жизнь вашей супруги столько, сколько потребуется. Этого ей хватит на неделю.

– В смысле?

– Единственное, чем вы можете помочь своей жене, это сохранить ее жизнь, вы будете ставить ей капельницы с этим раствором. Она проживет еще достаточно долго. Но разбудить у вас ее не получится, пока она сама не захочет.

– А она захочет?

– Честно? Вряд ли. Будете брать? – он придвинул ко мне пакетики.

– Конечно, я не могу бросить свою жену. Хоть, что греха таить, в последнее время она и стала абсолютно другим человеком.

– Тогда берите, ровно через неделю придете еще. Вот указания, как ставить ей эти капельницы, – он протянул мне бумажку с собственными каракулями.

Я взял все это и направился к выходу, но в дверях захотел спросить кое-что еще.

– А можно личный вопрос?

– Пожалуй, да.

– У вас есть в голове устройство?

– Да, есть.

– Неужели там так прекрасно, что не хочется оттуда уходить?

– У вас есть заветная мечта?

– Конечно.

– Там она исполнится, стоит только захотеть. Захотите ли вы возвращаться к действительности после этого.

– Но ведь это иллюзия.

– Вы не сможете, прочувствовав дуновение ветра в реальности и во сне, отличить их, – цитировал он Станкича. – Так и здесь, вы не отличите счастья в сновидении от реального, разнится в том, что в сновидении счастья больше. Так что…

– Последний вопрос. Остались бы вы там?

– Да, я бы остался. Но в реальной жизни от меня зависит благополучие моей семьи, и я не могу быть таким эгоистом, до свиданья.

– Всего доброго, – сказал я и вышел из кабинета.

Я решил взять на работе отпуск за свой счет. Никто мне не препятствовал, но намекнули, что школа прекрасно обойдется и без психолога вообще. Всю неделю я заботливо менял капельницы своей жене. Я не покривлю душой, если скажу, что иногда мне это было противно. Мысль о том, что я поддерживаю жизнь человека, который сейчас меньше всего на свете хотел бы быть рядом со мной, неприятно, как дятел, стучалась в мое сознание. С этой мыслью в моей голове боролась другая: «Ведь это моя любимая жена, как я могу ее бросить».

Эти две противоборствующие мысли снедали меня всю эту неделю. Каждый раз, когда возникала необходимость менять капельницу, противоборство этих мыслей достигало апогея. Но пока в голове роились мысли, руки делали свое дело, продлевая жизнь моей жены еще на некоторое время.

Утром, перед тем как пойти в больницу за новой порцией раствора, я сидел и пил кофе перед телевизором, как бы по инерции продолжая нашу с Линой традицию. Всю эту неделю я намеренно не смотрел новости и вообще какие-либо информационные программы, вместо этого смотрел утренний эфир детского канала, где показывали забавные похож-

дения различных странных созданий.

Однако прежде чем идти в больницу я решил осведомиться, что же все-таки происходит в мире. А в мире тем временем все шло своим чередом. Политики собрались на очередной саммит, цены, на коммунальные услуги очередной раз повысились, а очередная угасающая западная поп-звезда в очередной раз посетит нашу столицу с концертом.

Но в конце как бы напоследок ведущий сообщил:

«Сегодня мир прощается с великим изобретателем, хорватом, Христо Станкичем. Напомню, этот ученый является автором популярнейшего изобретения, устройства, которое позволяет человеку управлять своими снами. Данное устройство носит имя своего изобретателя. Хотя вряд ли в мире найдется человек, не слышавший о данном устройстве.

Напомню, пять дней назад Станкич вышел на оживленную улицу Загреба и застрелился. Все эти пять дней шло полицейское расследование, но никаких следов криминального вмешательства в жизнь Станкича не было обнаружено. Коллеги ученого утверждают, что он не проявлял никаких признаков депрессии или утомления. Поэтому мотивы, побудившие Станкича на данный поступок, неизвестны. В кармане ученого найдена записка, которая гласит: «Я дал вам свободу, а вы создали себе новую клетку». Мнения о том, что может означать данное изречение, расходятся. На момент смерти Христо Станкичу был 51 год, у него осталось дв…»

А я знаю, что имел в виду Станкич. Я знаю, почему застрелился. Я бы тоже не смог жить с мыслями о том, что по всему земному шару люди оставляют своих близких, а некоторые даже свою жизнь в погоне за мечтой. Видимо Станкич переоценил человечество. Он считал, что они смогут отделить реальную жизнь от иллюзии. Но в нашем жалком мире наши желания настолько расходятся с возможностями, что люди готовы расстаться с жизнью, лишь бы получить желаемое.

А может Станкич все сделал правильно, и это выход, просто бросить все и уйти из этой жизни. Тогда уже не придётся мучиться вопросом, чем же занята моя жена и стоит ли продлевать ее существование. Кажется, на загородной даче моих родителей есть старое охотничье ружье. Хотя это слишком простой выход, надеюсь, мне хватит сил не пойти по проторенной дорожке.

Закончив с мысленными выкладками, я оделся и направился в больницу. Я очень долго сидел на остановке, но ни один из видов общественного транспорта так и не появился. Пришлось отправиться до больницы пешком. По дороге мне встретилось довольно много людей, все они шли куда-то по своим делам. Что ж, видимо, просто что-то случилось с транспортом, наверно, что-то вроде забастовки водителей. Поэтому всем в этот день пришлось путешествовать на своих двоих.

В больнице была длинная очередь, я проторчал в приемной около двух часов, когда, наконец, подошел мой черед. Зайдя в кабинет, я обнаружил, что прием теперь ведет другой врач. Вместо того пожилого мужчины за столом сидел молодой человек. Судя по несколько дерганой манере и неловким движениям, совсем недавно закончивший институт. Не смотря на то, что он рано облысел, все равно было заметно, что он едва ли старше меня.

– Здравствуйте, заходите, присаживайтесь, – сказал он, указывая мне на стул.

– Добрый день, – сказал я, плюхнувшись на стул.

– По какому вы вопросу?

– Моя жена… она спит… В общем, мне нужен питательный раствор, – я так и не сумел толком сформулировать причину, приведшую меня сюда, поэтому просто сообщил требование.

– Как и всем перед вами.

– Все эти люди приходили за раствором?

– Да, к сожалению, не все люди могут справиться с… даром, который дает устройство. Поэтому людям приходится ухаживать за своими близкими. Как и вам.

– И всегда так много народу?

– Это мало, честно сказать. Очень многие, кто еще вчера приходил за раствором, сегодня уже сами бросают все и уходят в свои сны, обрекая и себя и близких на погибель. К сожалению, мы ничего не можем придумать. И как не при-

скорбно даже вы не застрахованы.

– Застрахован, – усмехнулся я.

– Простите?

– У меня нет устройства, мне нельзя его установить по медицинским показателям.

– На самом деле вам повезло. Я считаю, что вы счастливчик.

– Раз я пришел к вам с раствором, то не такой уж и счастливчик.

– Верно, – смутился врач и полез в ящик за знакомыми пакетами.

– А другой врач, бывший здесь до вас он… «спит»? – спросил я, беря пакеты.

– Да, – кивнул мне врач. – Я же сказал, никто не застрахован.

– Да, и еще вопрос. Вот эти «сны» они выбираются подсознательно или как?

– Скажем так. Исследования показывают, что сначала человек несколько теряется, но потом постепенно находит свою стезю. То есть, если он где-то в глубине души хотел стать космонавтом, он в своих грезах рано или поздно придет к этому. Никто не уходит от истинного «я», как не прячься. А к чему вы интересуетесь?

– Да так, мои наблюдения показывают, что моя жена на самом деле меркантильная шлюха! Всего доброго.

С этими словами я вышел из кабинета.

Вероятно, следующая неделя была самой длинной в моей жизни, как мне показалось. Мне было решительно нечего делать, да и, если честно, тяги к каким-либо свершениям я не испытывал. Иногда я представлял себя киборгом, который просто выполняет определенную программу, ни на секунду не задумываясь о смысле происходящего. Я прилежно ухаживал за женой: менял ей пакеты с раствором, мыл ее, менял белье. Но я делал это на каком-то автомате. Как будто и не жена она мне вовсе, как если бы меня просто привели сюда и сказали: «Вот теперь твоя обязанность ухаживать за этим человеком».

Мне было несколько противно от собственных мыслей. Хотелось заорать самому себе: «Это же твоя жена, черт подери! Она попала в беду, помоги ей!». Но потом этот порыв проходил, и я возвращался к дальнейшему выполнению программы.

Телевидение перестало функционировать. Я не могу достоверно сказать, была ли причина в том, что телевидение как таковое перестало существовать, или просто у меня в квартире где-то отошел кабель. В тот момент мне было все равно. Я читал, готовил себе непритязательную пищу, выполнял работу по дому. Все, это полный список моих свершений за всю неделю.

Когда пришло назначенное время я, как полагалось, отправился в больницу за раствором. Поскольку я просидел

всю эту неделю взаперти, то мысль о том, чтобы воспользоваться общественным транспортом отпала сразу. Идя по улице, я корил себя за то, что не совершал хотя бы короткие прогулки на протяжении прошедшей недели. Ведь на улице благоухала весна. Возможно, мне она казалось такой прекрасной просто, потому что всю прошедшую неделю вокруг меня были только стены, и потолок вместо неба. Ведь никто так не радуется свободе, как узник после долгого плена.

На улице почти не было людей, если быть точным я был единственным человеком, который совершал пешую прогулку. По проезжей части мимо меня пронеслось несколько машин, где-то вдалеке выла сирена служебного автомобиля. Но пешком по улице шел только я один.

Придя в больницу, я застал полный хаос. В приемной стояло огромное количество каких-то ящиков. Везде валялись кипы бумаг, видимо больница готовилась к переезду. Но никого не было, ни единой души. Ведь если больница переезжает, вокруг должны толпиться грузчики, но нет, в здании никого не было. Я подошел к стойке регистрации. Несколько раз громко осведомился, есть ли кто живой. Но никто не объявился.

Я заглянул в кабинет, там естественно никого не было. Стол стоял на том же месте, но никаких бумаг или письменных принадлежностей на нем не лежало. Казалось, что за этим столом никто, никогда не работал. Я обошел стол и сел на стул, на котором некогда сидели врачи, осуществлявшие

прием. Если мне не изменяет память, то врачи доставали пакеты с раствором из этих ящиков.

Я начал открывать ящики один за другим снизу вверх, во всех было пусто, но верхний ящик имел замок и в данный момент оставался закрытым. Я несколько раз сильно дернул ящик, но он не поддался. Ладно, попробуем по-другому. Я вывернул из стола все остальные ящики и варварски раскидал их по кабинету. Далее я присел рядом со столом так, чтобы можно было просунуть ногу в развороченную стойку с ящиками и носком ботинка ударить по дну закрытого ящика. Я хорошенько размахнулся и ударил. Фанера поддалась, и я пробил дырку в днище. Далее я начал руками доламывать фанерное днище ящика. Вскоре на дно стойки упал пакет. Да, это был он, тот самый пакет с раствором. Я радостно засмеялся и продолжил курочить днище ящика. Но радость моя была преждевременна, больше в ящике ничего не было.

Взяв пакет, я вернулся в коридор. Одного пакета хватит совсем ненадолго. Вероятно, где-то в ящиках хранятся еще пакеты, вряд ли на всю больницу есть всего один пакет с раствором. Я аккуратно положил пакет на стойку регистрации и принялся перебирать ящики.

К сожалению, редко сразу находится то, что тебе нужно. Я перебрал гору ящиков и не добился результатов. Сначала я аккуратно складывал просмотренные ящики в стороне, а потом меня разразила непонятная злоба и я, открывая каждый новый ящик и видя, что пакетов в нем нет, отшвыривал

его в стену, будто именно он виноват в сложившейся ситуации. В ящиках было что угодно, какие-то трубки, бумаги, коробочки из гладкого белого пластика, напоминающие современные флешки, и даже ампулы с какими-то неизвестными мне надписями. Но нигде, ни в одном из ящиков не было пакетов с раствором. Вероятно, кто-то побывал здесь до меня, или раствор вывезли из клиники. Так или иначе, я потратил битые два часа впустую. Взяв единственный найденный пакет, я покинул клинику.

Придя домой, я сразу пошел на кухню готовить себе трапезу. Я просто побоялся подходить к дивану, где лежала Лина. Мне было страшно, за нее. Было страшно понимать, что она умрет. Я корил себя за то, что найдя всего один пакет раствора, обрек ее на скорую смерть. За едой я тщетно пытался придумать, где еще можно раздобыть раствор. Я не сумел ничего придумать, тем временем пришло время ставить капельницу. Ладно, этот пакет даст мне время, и я смогу что-нибудь придумать.

Я подошел к дивану с пакетом в руках. Лина неподвижно лежала на диване. Интересно где она сейчас? С кем развлекается? Меня передёрнуло. Я очень живо представил, как Лина сейчас в своих грезах предается плотским утехам с каким-нибудь мачо с обложки журнала, а то и не с одним.

Я так и остался, неподвижно стоять с пакетом в руках. Лина, так безмерно далекая сейчас от меня, одновременно с этим находилась всего в одном шаге. Она даже не осознает,

что остается в своих грезах, только благодаря мне. Именно я продолжаю обеспечивать ее оргии или чем она там занимается. Кто знает, что ее ждет после неминуемой смерти, может продолжение этих грез, а может и серная гиена.

Что ж у меня в руках последний пакет с раствором. Вероятно, другого такого просто нет в этом городе. У меня в руках какое-то время жизни для моей жены. Но хочет ли она этого? Хочу ли я этого?

Выбор, у нас у всех есть выбор, даже когда мы этого не видим. Каждое наше решение, даже самое незначительное, направляет нашу жизнь в иное русло. Но есть, скажем, так, точки разветвления, моменты, в которых мы делаем выбор такой, что навсегда и безвозвратно меняет нашу жизнь. Даже если мы стараемся прожить жизнь как можно тише, забившись подальше в свой уголок. Все равно наступит момент, когда потребуется выбраться из кокона и что-то сделать, и если остаться в собственном мирке, тем самым тоже совершается выбор. Каждому из нас приходится делать судьбоносный выбор в самый, иногда, неожиданный момент.

Так Лине после нашей ссоры пришлось неожиданно выбирать между реальной жизнью и вымышленной. И она выбрала пасть в объятия грезам, взамен реальной жизни. И теперь выбор предстоял мне, я стоял с пакетом раствора, который может продлить жизнь моей любимой жены, самого дорогого человека на всем белом свете. Но я знаю, что являюсь для нее теперь последним человеком во всей вселенной,

которого она хотела бы увидеть. Я понимаю, что она все равно умрет в ближайшее время, но вопрос в том убью ли я ее, выбросив пакет, или она умрет сама после того как раствор закончится.

Каков мой выбор?

Я хочу дать ей шанс еще раз сделать выбор!

Я подхожу к дивану, кладу пакет с питательным раствором Лине на живот. Беру ее руку с катетером и кладу на пакет сверху.

«Теперь ты сама должна решить: проснуться и жить или уснуть навсегда!» – говорю я ей громко, будто пытаясь разбудить.

Я наклоняюсь к ней и целую ее в губы, она взамен обдает меня своим теплым дыханием. «Прощай», – одними губами говорю я ей. Ком в горле не дает мне сказать ни слова.

Что ж, я, кажется, говорил, что за городом на даче моих родителей есть охотничье ружье. Видимо пришло время наведаться туда.

5

Мне необходимо было зайти в магазин, дома осталось достаточно еды, но я, веря в чудо, оставил ее нетронутой на тот случай, если Лина очнется. От голода уже сводило живот и необходимо было подкрепиться. Мой выбор пал на магазин, в котором мы с Линой всегда закупались продуктами, видимо ноги принесли меня туда по привычке. Я взял тележку и пошел по рядам. Честно сказать, в еде я абсолютно непритязателен. Я не испытываю какого-то эстетического удовольствия от поедания ультрамодной и безумно дорогой, но при этом абсолютно несъедобной пищи. Но сегодня я изменил себе и наполнил тележку всякими экзотическими яствами. Потрачу последние деньги, вряд ли они мне еще когда-нибудь пригодятся.

Я побоялся, что могу не решиться на столь ответственный шаг в трезвом состоянии, поэтому покидал в тележку еще и несколько бутылок водки. Именно водки, много водки. Она бьет без промаха и наповал, что мне и требовалось.

Подъехав к кассе, я обнаружил, что на кассах нет кассиров. Ни одного. Может у них какая-нибудь очень срочная пятиминутка. Я подождал пару минут, потом огляделся, охранников тоже не было видно. Мне терять точно уже нечего, поэтому я, пожав плечами, спокойно выехал из магазина с те-

лежкой доверху наполненной продуктами.

Я решил никуда не перекладывать продукты, так и ехал, отчаянно гремя своей телегой на всю улицу. Пару раз я обернулся посмотреть, не бежит ли за мной охранник или не подкатил ли к магазину наряд полиции. Однако никто не желал уличить меня в краже. Ну и славно.

Примерно через пару часов с того момента, как я вышел из дома меня догнала ужасная мысль. Я уже покинул пределы города и сейчас грохотал телегой уже по грунтовой дороге, которая приведет меня прямехонько к даче, как вдруг, словно молния, откуда из глубины мозга меня пронзила мысль.

Я убил свою жену!

Я остановился посреди дороги. Я стоял абсолютно неподвижно, ужас сковал мои движения. В глазах потемнело, руки, казалось, пронзали тысячи малюсеньких иголочек, живот и без того замученный голодом начало крутить.

Я убил свою жену!

Быстрей! Наверно я еще успею ее спасти. Я развернулся и бросился назад. Я бежал что было сил, но споткнулся о какой-то корень и плашмя растянулся на дороге. Я стер руки в кровь, рассадил щеку и, кажется, рассек бровь о какой-то камень на дороге. Боли я не чувствовал абсолютно, но встал и побежал дальше и только, пробежав метров триста, остановился как вкопанный.

Умом я понимал, что даже если успею к Лине, то это лишь

отсрочит неизбежное. Второго пакета с раствором у меня все равно нет. И где его взять я не знал.

Я убил свою жену!

Снова пронзила меня мысль. Зверь! Мразь! Ублюдок! Если бы я поставил ей капельницу, то она умерла бы сама. А так я позволил себе распорядиться ее жизнью. Кто я такой, чтобы так поступать?

Я стоял и неотрывно смотрел в одну точку. Отупение понемногу сходило, а вместе с этим вернулись ощущения. Все лицо дико зудело, только сейчас я заметил, что бровь опухла и глаз заплыл.

Собрав все силы в кулак, мне удалось сдвинуться с места. Но поплелся я не домой, я поплелся к тележке с продуктами. Каждый шаг ухал в голове. Но постепенно ко мне вернулась способность соображать. Безмерный отчаянный ужас немного уступил трезвому рассудку. Я дал ей выбор, дал ей шанс. Она может в любой момент проснуться и сама себе сделать инъекцию, на пакете подробно написано, для чего он предназначен и как им воспользоваться. Но тот самый ужас настойчиво нашептывал в голове: «Ведь ты знаешь, что она не проснется, тебе хочется это отрицать, но ты уверен в том, что она не проснется, а это значит, что ты ее убил, хладнокровно, бездушно. Убил самого дорогого человека, как злейшего врага».

Возможно, это и правда. Может быть, где-то в глубине души, я знал, что она не проснется, и разыграл комедию толь-

ко для очистки совести. Но в тот момент я думал только о ней, я дал ей выбор, пускай, и иллюзорный, но выбор. Я дал ей шанс вернуться. Ведь если бы я поставил ей капельницу, она бы умерла, если бы я порвал пакет или выбросил, она так же умерла, при любом раскладе. А так у нее есть шанс, есть шанс проснуться. Проснуться и поставить себе капельницу, которая даст ей какое-то время прийти в себя, а еды и питья дома предостаточно.

Но в тот момент, когда я начинаю верить, что дал ей шанс, откуда-то из темной пустоты в моей голове доносится: «Убийца!». А когда окончательно свыкаюсь с мыслью об убийстве, та же пустота откликается: «Выхода все равно не было. А так есть надежда!».

Я не могу ответить себе на вопрос. Убил ли я свою жену или дал ей шанс? Пожалуй, я позволю вам судить меня. Ответьте сами на поставленный вопрос. Я в вашей власти, сам я не могу найти ответа. Я никогда не узнаю вашего ответа, но прошу вас, не останьтесь равнодушными, подумайте пару минут и вынесите свой вердикт.

Тем временем я кое-как доковылял до нашего дачного домика. Оставив телегу на улице, я зашел в, дом, с размаху упал на старую кушетку и тут же провалился в беспокойный сон.

Я проснулся посреди ночи. Тело ныло, глаз окончательно заплыл, но почему-то абсолютно не болел. Кое-как я приподнялся на кровати.

Старая кровать, которая, вероятно, была вдвое старше меня, жалобно заскрипела. Домик был построен моими родителями много лет назад еще до моего рождения, как временный, пока они не построят новый. Но что-то пошло не так и из временного он превратился в постоянный. Маленький домишко, четыре на четыре метра, с одной комнатой, прихожей и маленьким чердаком доверху забитым старым хламом. Домик давно не использовался, все пришло в запустение, мягкая мебель отсырела, со стен отвалились обои, да и сам дом начал накренятся в сторону.

Я встал с кровати и кое-как выбрался на улицу. Участок моих родителей был давно необрабатываемым куском земли в 4 сотки. В моих планах есть… был пункт собраться и привести все в порядок. Я хотел подкопить денег и построить здесь домик, маленький уютный домик. Домик для нас с Линой. Но не судьба. Лина, при мыслях о ней у меня создавалось ощущение, будто мой мозг засунули в тиски и медленно их сжимают. С момента пробуждения, я даже не вспомнил о ней, видимо это какая-то защитная функция моей памяти. Но как бы не старался я бежать от этой беды, она все равно настигала меня. Я старался думать о чем угодно, но мысли совершали хитрый круговорот, и я снова возвращался к мыслям о Лине.

Что ж пора искать ружье. Не стоит откладывать дело в долгий ящик. Мои мысли могут свести меня с ума, и я, честно говоря, боюсь, что тогда я превращусь в овощ, буду бро-

дить по окрестностям и бормотать что-то себе под нос с пустыми глазами. Я боялся даже не столько такой участи, сколько того, что тогда я остался бы «безнаказанным».

Поиски на первом этаже не принесли успеха, я залез на чердак и начал разбирать горы различной одежды, садовой утвари и тому подобного. Тут в руки мне попала старая семейная фотография. На ней были моя мама, отец и я где-то пяти лет от роду, держащий на руках нашего кота. Естественно, данная фотокарточка разбудила во мне воспоминания о счастливом детстве.

Детство мое ни в чем не переходило рамки среднестатистического, у миллионов людей моего возраста оно было абсолютно таким же. Но когда мне было пятнадцать, мой отец основал свое дело. И дело быстро пошло в гору. Никаких особенных талантов за своим отцом я не припоминаю, наверно, он просто оказался в нужном месте в нужный момент.

Вскоре отец начал вести себя так же как это делают все внезапно ставшие обеспеченными люди. Он начал относиться ко всем, как к мешкам с навозом. В том числе и к нам с матерью. Он считал, что теперь он стал сильным мира всего и все ему обязаны. Начал чуть ли не домой водить своих «секретарш», при этом говоря, что мы должны вообще помалкивать.

Мне не пришлось это долго терпеть, я поступил в институт и сумел устроиться в общежитие. Отец требовал, чтобы я перевелся в тот институт, в который он хотел. Я не особо

слушал его.

Мама тоже не стала это терпеть и вскоре ушла от него. Стала снимать квартиру и не хотела о нем больше слышать. Периодически он звонил нам и сообщал, что мы не благодарные и вот прямо завтра он перепишет завещание на первого встречного. Мы же ему обязаны всем. Сначала я просто пропускал это мимо ушей, потом однажды порекомендовал ему употребить все его деньги в виде клизмы. Он рассвирепел, прокричал, что я ему больше не сын, что за мной приедут, и мы поговорим.

Но никто не приехал, вечером позвонила мать и сообщила, что отца избили и он в больнице:

– Ты навестишь его? – спросила мать.

– Нет.

– Но он же твой отец.

– Нет, сегодня днем он сказал, что это не так.

– Может все-таки навестим.

– Навестим? Вместе?

– Да, мы же семья.

– У него есть куча денег, друзей и так называемых подруг. Они теперь его семья.

– Так нельзя говорить.

– Он так говорит.

Этот разговор я помню практически дословно. Через пару часов он сам мне позвонил и сказал, что ему очень надо меня увидеть, просил прощения, плакал.

Я не помню точно, что сказал ему тогда, но что-то вроде: «Ваш сын здесь больше не живет».

А ночью его убили. Прямо в больнице засунули в рот кляп и перерезали горло. Плохо помню похороны и все, что было потом. Завещание он, конечно, не поменял, он его вообще не составил. Поэтому его ушлые партнеры довольно быстро растащили наследство. Хотя нам все равно досталась крупная сумма. Я вообще не хотел иметь отношение к его деньгам. Но мама разделила их пополам и положила мою половину в банк. Сама она купила себе землю где-то недалеко от Байкала и теперь живет там, изредка присылая поздравительные открытки.

О деньгах, которые лежали на счете, я старался не думать. Я ни разу не снимал с него деньги и не собирался. Лина даже не знала об этих деньгах. Опять мои мысли вернулись к Лине, знакомые кошки заскреблись на душе.

Возможно, меня несколько оправдывает тот факт, что Лина променяла меня на, то, что я ненавидел всю свою жизнь. Видимо где-то в подкорке крепко спала ненависть к подобным ценностям, и когда мой любимый человек избрал для себя подобный образ жизни, я воспринял это как предательство. Хотя я не нахожу это оправданием, скорее мотивом. Нет, меня ничто не может оправдать. Когда эта мысль посетила меня я, наконец, нашел что искал.

Взяв ружье, я вышел на улицу, где потихоньку начинало светать. Небо было ясным, ни единого облачка, замечатель-

ная погода для последнего дня. Я подошел к брошенной посреди участка тележке с продуктами. Увидев продукты, я понял, что голоден настолько, что затряслись руки. Но еда мне больше не нужна. Я взял бутылку водки и выпил столько, насколько хватило сил. Из-за того, что я пил на голодный желудок меня чуть не вырвало. Но я удержал водку в желудке и еще несколько раз повторил процедуру. Когда сознание начало мутиться, я выкинул бутылки и отошел от тележки подальше.

Меня всего затрясло, из глаз текли слезы, сердце бешено стучало. Я запихнул дуло ружья себе в рот. Из-за того, что руки ходили ходуном я расцарапал себе все небо. Я никак не мог положить пальцы на курки, руки тряслись настолько сильно, что я скорее удушу себя дулом, чем смогу выстрелить. Но вот мои пальцы нащупали курки, я поставил пальцы так, чтобы выстрелить дуплетом. Руки продолжали трястись, слезы продолжали течь градом, а из горла доносился непонятный хрип вперемешку с всхлипами.

Как же страшно все-таки умирать. Ну ладно собаке собачья смерть. Я глубоко вздохнул, пытаясь не трястись. «Прощайте,» – сказал я в дуло, и нажал на спуск.

Ружье сухо щёлкнуло, но не выстрелило. Из горла вырвался хрип, в этот момент я кажется, обмочился. С большим трудом я достал дуло изо рта. С горем пополам я преломил стволы негнущимися руками, там не было патронов. Конеч-

но, какому идиоту придет в голову хранить оружие заряженным.

Я упал на колени и отшвырнул ружье как можно дальше от себя. Потом я закричал. Я орал во весь голос так, как кричат новорожденные, неистово, неумолимо. Замолчал я только, когда воздух в легких закончился, и то я продолжал издавать сухой хрип. Желудок свело судорогой и меня начало рвать. Кроме водки в желудке ничего не было, но спазм продолжал сгибать меня даже, когда в желудке осталась только желчь. Я почувствовал, что теряю сознание, но все, что я смог сделать, это слегка изменить траекторию падения, чтобы не упасть в лужу с рвотой.

6

Очнулся я в ужасном состоянии, от росы вся одежда промокла, мне было очень холодно. Желудок крутило и вертело из-за интоксикации. Я попытался встать на ноги, но их сразу же свело судорогой. Кое-как ползком я добрался до крыльца, у входа меня снова вырвало, стало немного легче.

Тут сквозь гул в голове я услышал звук работающего мотора. Как будто кто-то ехал по дороге мимо моей дачи. Видимо, галлюцинации, немудрено, согласно моему плану, я уже должен был лежать в траве с разбросанными по округе мозгами. Я вовсе не собирался валяться с тяжелым алкогольным отравлением на крыльце и понимать, что рассудок медленно, но верно покидает меня. Тем временем шум стал громче. Я подполз к стене и сумел принять сидячее положение рядом с входной дверью, конечно, желудок сразу запротестовал против этого, но это было не важно. Видимо, вот сейчас мое сознание и покинет тело, и я буду бегать по округе, прячась от несуществующего автомобиля.

Гул все нарастал. Неужели так и сходят с ума? Что-то медленно забирается тебе в мозг, а потом твое сознание не выдерживает и разрушается? Так, например, есть люди, которые бегают от НЛО, интересно, как у них происходит «превращение»? Может быть, они сначала краем глаза где-то на

периферии видят огоньки, потом пару раз неявно замечают очертания космического корабля. А потом их «похищают». И все: дальше шапочка из фольги и тому подобное.

Тем временем гул раздался прямо за забором. И в этот момент пролет забора буквально разлетелся в щепки, на территорию участка влетел старый армейский джип марки УАЗ. Он припарковался прямо около крыльца и из него вылетели пять человек. Четверо в полном военном обмундировании в балаклавах и шлемах и один в белом лабораторном халате.

Ну, вот и все, финита ля комедия, такого я от своих мозгов не ожидал. Двое с автоматами на изготовку вместе с «лаборантом» подбежали ко мне. Еще один пробежал мимо меня в дом, а последний подбежал к тележке перевернул ее, осмотрел содержимое, видимо, ему ничего не приглянулось и он принялся искать дальше по участку.

Из дома доносился грохот. «Лаборант» тем временем молча подбежал ко мне, приложил палец к шее видимо мерял пульс, посветил фонариком в глаза. После чего безмолвно отошел от меня. Я сидел и молчал. Разговаривать с галлюцинациями это лишнее.

Грохот внутри прекратился, оттуда вышел военный, показал остальным большой палец, вроде как «Все круто», и вернулся к машине. Тем временем к компании, собравшейся около меня, подошел тот, который что-то искал во дворе. Он нес в руках отцовское ружье.

– Вот и ружье твое, Петрович. Патронов нет, – военный

с ружьем кивнул в мою сторону. – Видимо так расстроился, что даже ружье выбросил в траву.

– Ну и нах… спрашивается, мы так летели? – заорал тот, который стоял около машины. – Ну, нажрался он и что? От похмелья еще никто не умирал.

– Тихо! – взревел тот, кого звали Петрович. – Кто же знал, что у него патронов нет. В документах числится ружье и патроны. А если бы приехали попозже, а у него мозги вон на яблоне висят. Верно я говорю Аркадий Борисович?

– Да-да, все верно, – сказал в полголоса «лаборант» – Правда, отравление сильное.

– Ну и белка! – подал я голос.

– Что, простите? – спросил «лаборант» и начал жевать верхнюю губу.

– Он думает, что мы глюки! – сказал тот, что держал ружье и заливисто засмеялся.

Я взял первый попавшийся предмет и бросил его в Петровича. Это оказался кусок какого-то старого насоса. Он попал Петровичу точно в шлем.

– Это уже перебор.

После этой фразы Петрович подошел ко мне и двинул прикладом автомата в уже и без этого рассечённую бровь.

Очнулся я в каком-то помещении на кушетке. Помещение было маленькой комнаткой три на три метра, стены были выкрашены в голубой цвет, как в бомбоубежищах. Около ку-

шетки стояла тумбочка, у противоположенной стены находился шкаф с зеркалом на одной из дверей. Завершали картину большие настенные часы висевшие так, чтобы лежащий на кровати их видел. Я с усилием встал с кровати и подошел к зеркалу. Выглядел я ужасно, но кто-то меня помыл и переодел. На мне были простые серые штаны из грубой ткани и такая же серая теплая шерстяная кофта без всяких узоров или рисунков.

На голове у меня красовалась аккуратная повязка, закрывающая один глаз, явно наложенная профессионалом.

Тут в комнату без стука зашел здоровый детина два метра ростом, просто груда мышц. Он был голубоглазым блондином и носил бороду, от чего был похож на былинного богатыря. Я инстинктивно отскочил в угол комнаты, ожидая скорой расправы.

– Доброе утро сонное царство, – по голосу я понял, что это был тот самый Петрович. – Почти сутки лежал, я уж забеспокоился, что тебя угробил. Все заглядывал, проверял тебя.

– Так ты все-таки не галлюцинация?

– Воооот, начинаешь что-то понимать. Я Муслин Евгений Петрович, капитан.

– А я Артем. Просто Артем. Что я здесь делаю? Кто ты? Зачем я…

– Подожди, пойдем, поедим. Торопиться не надо, спешка ни к чему. Тебя, конечно, Аркадий Борисович всякими лекарствами напичкал. Но завтрак тебе они не заменят. Ты

это… Прости, – сказал Петрович, указав мне на глаз после чего удалился.

Я обулся в черные простые кожаные берцы, стоявшие тут же у кровати, и вышел из комнаты. Видимо, я и был в бомбоубежище. Дверь комнаты выходила в узкую длинную кишку, здесь с трудом могли разойтись два человека. В двух концах кишки были двери на подобие корабельных с колесом, которое надо было вращать для открывания и закрывания засова. А по бокам было пять дверей без засовов, просто с ручками, две с одной стороны и три с другой. Я вышел из двери как раз с той стороны, по которой было три двери. В соседней комнате раздавались голоса. Я решил отправиться туда.

Комната была такой же небольшой, как и та, в которой я очнулся. Только здесь, вместо кровати и шкафа, находился кухонный стол, придвинутый к стенке и что-то наподобие кухонной стенки с раковиной и электрической плиткой, на которой сейчас стояла большая кастрюля, присутствовали часы такие же, что и в той комнате, где я проснулся, только тут они висели над столом.

Сейчас в комнате находилось пять человек, они с упоением трапезничали. «Лаборанта» и Петровича я узнал сразу, а остальные, видимо, были братьями по оружию Петровича. Все они не смогли уместиться за маленьким столом, поэтому расположились кто где. Один из бойцов сидел, придвинув стул к кухонной стенке, другой просто на полу, держа

тарелку на весу.

– О, проснулся наш белочник! – сказал сидящий на полу боец и звонко рассмеялся. – Ну что жить будешь? Или галлюцинации слишком больно бьются?

– Да нет терпимо! – замялся я, хотя, если честно, ничего не болело, в глазу были какие-то странные ощущения, но это было скорее пульсацией, чем болью. Да определенно глаз у меня не болел.

– Молодец казак, атаманом будешь, – сказал боец и вернулся к еде.

Какое-то время все стояли молча, а я неловко топтался в дверях.

– Так господа, надеюсь все успели отобедать. Надо освободить помещение у нас разговор с человеком. – сказал Петрович, указывая своей массивной ладонью на дверь.

Все кроме Петровича и «Лаборанта» встали, молча положили тарелки в раковину и вышли. Петрович указал мне жестом на стул, я сел.

– Покормите хоть человека, – впервые подал голос «Лаборант».

– Ой! Действительно, – Петрович неторопливо отправился сервировать мне на стол.

– Итак, здравствуйте. Я Аркадий Борисович, врач городской поликлиники.

– Я Артем…

– Да-да, я знаю, Артем, – перебил меня Аркадий Борисо-

вич. – Я думаю у вас очень много вопросов. А возможно вы до сих пор не верите в происходящее. Поэтому позвольте, я просто вкратце обрисую ситуацию, пока вы едите.

– Хорошо, – в этот момент Петрович поставил передо мной тарелку чечевичной похлебки, и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

– Вы следили за последними новостями? Нет, это некорректный вопрос, простите. Какое представление о мировой обстановке вы имеете?

– Устройства Станкича в каждой голове. Люди умирают от этого. Сам Станкич покончил с собой… Вот и все наверно.

– Что ж достаточно скупо, позвольте рассказать вам поподробнее.

После того как начался бум устройств Станкича, все только радовались. Все говорили об этом как о чуде, как о великом открытии, что, как я считаю, обоснованно. Но есть один нюанс. Пока устройство было дорогим, его покупали фактически только состоятельные люди, да и клиник в мире было открыто еще не так много. Люди не стесненные в средствах ночью исполняли во снах свои необычные желания и мечты, просыпаясь, могли себе позволить исполнение любых капризов, что для рядового жителя недоступно. То есть, то, что рядовой человек видит под действием устройства, для сильных мира сего обыденность. Устройство не сильно влияло на жизнедеятельность обеспеченных людей, как показыва-

ют исследования, в основном их сновидения заключались в чем-то крайне экзотическом, как например, кто-то отращивал крылья, а кто-то путешествовал к ядру земли. Но потом наступил переломный момент. Станкич сумел значительно упростить конструкцию, снизив ее стоимость. Теперь каждый мог позволить себе устройство.

Тут и скрывается опасность. Среднестатистические жители Земли, просыпаясь, не имели возможности предаться праздности. Когда люди пробуждаются, они видят серый мир, в котором у них есть куча проблем, неинтересная работа, ненавистные люди вокруг и тому подобное. Поэтому праздности они предаются во сне. И в какой-то момент они теряют желание жить в реальном мире и перестают просыпаться для будничной деятельности. Разбудить человека невозможно. И организм обмануть нельзя, он продолжает потреблять энергию, ему так же требуется еда и вода. Люди, особенно одинокие, начали гибнуть. Станкич ограничил производство и ввел предварительную фильтрацию в виде тестов. Но, как я ранее говорил, устройство вышло весьма простым в производстве, его скопировали. И теперь люди могли обходиться и без клиник Станкича.

Было найдено временное решение. Это питательный раствор, родственники человека, который не хочет просыпаться, ставят ему капельницы, которых достаточно для жизнедеятельности.

Но эта система быстро рассыпалась. Раствор достаточно

дорог, Станкич пытался раздавать его бесплатно, но деньги быстро подошли к концу. Но еще раньше разрушилась система доставки. Все больше людей, не отдавая себе отчет в том, что делают, засыпали, чтобы не проснуться. Производители, поставщики и наконец, врачи, выдававшие раствор на руки, все они потихоньку засыпали…

– Я в курсе про раствор. У меня же жена… уснула.

– Да? – сказал Аркадий, не скрывая удивления.

– Вот, а говорите все знаете.

– Минутку.

Он вышел из комнаты и быстро вернулся с папкой в руках. Очевидно, в папке хранилось моя карта из клиники Станкича. Он быстро пробежал глазами по записям, после чего положил карту на стол.

– Здесь сказано, что вы женаты. Но никакой информации о вашей жене нет.

– Она есть в ее карте. Это же логично.

– Разумеется.

– Ну… – повисла тишина.

– Я вас не понимаю Артем? Ваша жена уснула, какие у вас вопросы?

– Я хочу узнать, что с ней случилось?

– Простите?

– Я… Я… Больше не было раствора… Я не знаю, что с ней.

– Понимаю, вам тяжело говорить. Я сейчас попрошу ко-

го-нибудь связаться с центром нашей операции и справлюсь о ней.

Он взял мою папку и вышел, я успел спокойно поесть и даже налил себе добавки, еда мне не очень нравилась, но очень хотелось есть, а выбирать не приходилось.

Я успел съесть добавку и сидел, просто глазея в одну точку, когда Аркадий Борисович, наконец, вернулся.

– Артем.

– Да?

– Дело вот в чем. Архивы всех клиник не так давно были собраны в большую картотеку в центральном филиале, где были переработаны все дела и выяснено текущее состояние всех пациентов. То есть люди в прямом смысле проходили по всем адресам и проверяли состояние пациентов. Но тут есть один существенный нюанс. Клиника, в которую вы с женой обращались, как раз накануне вывоза архива была подвержена акту вандализма. Кто-то забрался туда и фактически уничтожил все данные. В связи с этим никаких новостей о состоянии вашей жены у нас быть не может. К сожалению, мы никогда не узнаем о том, что сталось с вашей женой.

Мне сразу подступил комок к горлу, ведь именно я перевернул все вверх дном в той больнице, именно я уничтожил архив. И теперь в расплату за это я никогда не узнаю, что же случилось с моей женой. Более того, кто-то еще уже никогда не узнает о судьбе своих близких из-за моей тупости. Мне стало совсем мерзко. Неужели было мало просто убить свою

жену, я умудрился еще и уничтожить надежду на ее спасение.

– Давайте я назову вам адрес, и вы навестите ее. Или я сам схожу? Где я вообще?

– Артем! Уже слишком поздно, никто туда не пойдет! Дослушайте меня до конца, и вы поймете почему. Вы сами не хуже меня понимаете, что с ней произошло. Возьмите себя в руки. – Аркадий Борисович заметно повысил голос.

– Подождите. А мое дело? Как у вас оказалось мое дело? Оно же было в том же архиве.

– Артем, – Аркадий Борисович снисходительно улыбнулся. – Надеюсь, вы понимаете, что ваш случай уникальный, людей, которые как вы не могут пройти процедуру по медицинским параметрам, единицы. Ваше дело сразу после посещения врача было включено в центральную картотеку, а экземпляры разосланы чуть ли не во все клиники для ознакомления и изучения.

– А почему дело моей жены сразу не отправили в центральный архив?

– Тогда в этом не было необходимости. Простите за грубость, но она рядовой случай и интереса для науки не представляет. Вы готовы слушать дальше?

– Да, рассказывайте что уж там, – я с досадой ударил кулаком по столу.

– Я понимаю, что вы подавлены этими известиями, и я приношу свои извинения за то, что так давлю на вас. Но у

нас слишком мало времени.

– Просто… продолжайте.

– И так все больше и больше людей засыпали, вскоре ситуация стала катастрофической. Станкич всеми силами старался придумать какое-либо решение. Но, так и не выдвинув ни одного предложения, он покончил с собой. Еще через некоторое время ситуация окончательно вышла из под контроля. Инфраструктура городов развалилась. Все жизненно необходимые системы просто некому стало обслуживать.

Мир можно сказать опустел. Произошел ряд аварий, вследствие которых энергосистема фактически была уничтожена. Ученые умы уже начали паниковать, не находя решения, да и самих ученых осталось не так много. Сотрудники клиники Станкича тем временем решили создать единый архив…

– Подождите! Вы говорите, что электричества не было. Но могу биться об заклад, что… – в этот момент я чуть не сказал «в тот день, когда я был в больнице и искал раствор», но спохватился – незадолго до описанных вами событий я включал телевизор и он работал, хотя и показывал помехи, но электричество присутствовало. Я уверен.

– Это невозможно, Артем. Ваш город был полностью обесточен. Хм, хотя у меня есть объяснение, вероятно в состоянии столь тяжелого стресса ваш разум несколько помутился. Вы же кажется по образованию психолог, как вы думаете, такое возможно?

– Возможно, – язык мой все-таки, мне враг. Судя по взгляду Аркадия Борисовича, он взял себе на заметку мою реплику.

– Позвольте, продолжу. Архив был обработан в рекордно быстрое время и в ту же минуту люди Стаккича предложили решение.

Оказывается, Станкич еще задолго до этих событий все продумал, но потребовал от своих людей сохранять все в секретности до определённого момента. Этим моментом было время, когда число людей на Земле сократится до определенного количества.

– Не совсем понял, – все я на самом деле понял, но отказался поверить своим догадкам, вдруг мое сознание действительно «шалит».

– Грубо говоря, когда количество спящих людей сократиться до определенного количества, путем естественной смерти… Давайте лучше озвучу вам план, так будет понятней. Станкич предложил создать что-то вроде хранилищ. Под эти цели он предложил использовать складские здания, цеха и прочие промышленные комплексы. Видимо, он понимал, что строить что-то новое будет уже некому. Эти комплексы должны были переоборудоваться под нужды хранилища, что было успешно выполнено несколько заблаговременно. Хранилище это, грубо говоря, завод по производству раствора. Станкич сумел придумать собственный питательный раствор, который может синтезироваться самостоятель-

но без участия извне. Я не буду углубляться в химические процессы, вы вряд ли сможете что-то понять. Но, тем не менее, не смотря на то, что это все выглядит, как авантюра, испытания раствор прошел успешно. Далее, здесь же в этих же хранилищах будут располагаться и потребители, люди будут находиться в состоянии сна, а раствор будет поступать к ним прямо из системы синтеза. Как вы поняли, число мест в таких хранилищах ограничено объёмом этого самого хранилища и количеством синтезируемого раствора.

Поэтому дабы не усугубить мировую обстановку, Станкич завещал сообщить об этом решении только в тот момент, когда места в хранилищах уже гарантированно хватит на всех. Но он немного перестарался, когда архив был создан, выяснилось, что людей уже осталось на треть меньше, чем могут вместить в себя хранилища. С того момента людей и начали вывозить в хранилища.

– А я? Все это замечательно. Но я не могу уснуть, мне то, что от всего этого?

– Вам Артем уготована участь оператора-смотрителя. Вы будете жить здесь, смотреть за состоянием хранилища и выполнять каждые двенадцать часов одну нехитрую процедуру. Нехитрую, но чрезвычайно важную. Скажу больше, хранилища располагались специально вблизи городов, в которых проживали люди вроде вас, которые не могут уснуть, чтобы облегчить их доставку к хранилищу. Предупреждая ваш вопрос о том, где мы сейчас находимся, заранее скажу, мы

сейчас находимся на территории старого асфальто-бетонного завода, который расположен в нескольких километрах от вашего родного города.

– Я понял где я, но до сих пор не понимаю зачем я здесь?

– Система в достаточной мере автоматизирована, но есть один узел, который требует вашего участия. Позже я отведу вас туда и все объясню.

– То есть пока люди будут там спать, мы с вами будем обеспечивать их раствором?

– Не совсем так. Вы один будете это делать, после того как я введу вас в курс дела, и проведу медосмотр, мы с отрядом Евгения Петровича присоединимся к спящим.

– То есть вы предлагаете мне сидеть тут безвылазно одному, пока я не умру от старости? Вам не кажется, что я пошлю вас с вашим поручением куда подальше?

– Нет, нам не кажется. Артем, подумайте. Во-первых, где вы будете брать еду? Еда в магазинах рано или поздно испортится. Кто будет ее туда подвозить? А? Артем, вы не создаете впечатление глупого человека. Человека, который достиг предела и готов ударится в панику – да, но не глупого.

Во-вторых, зима, Артем. Зиму в нашей полосе никто не отменял, даже если вы откажетесь от возложенной обязанности, вам придется с наступлением холодов вернутся сюда, где есть электричество и тепло. Как это и не мрачно звучит, но выхода, к сожалению, нет.

И наконец, в третьих, моральная сторона. Артем, вы спо-

собны убить? Вы сможете жить с осознанием того, что убили достаточно внушительное количество людей? Вы человек другого сорта. Ваша совесть не позволит вам сделать этого. Люди вроде Евгения Петровича смогли бы, но не вы. Подумайте.

«Вы ошибаетесь, я могу убить», – подумал я, но вслух этого, естественно, не мог сказать.

– Вы к каждому находите индивидуальный подход? Говорите, как по писанному.

– Разумеется, – Аркадий Борисович немного смутился. – К каждому нужен свой подход. Ситуация, когда возникает аномалия в мозгу подобной вашей, при которой невозможна установка устройства, не поддается систематизации. То есть, не выделено каких-то групп риска, которые поддержаны аномалии. С равной вероятностью таким человеком можете быть вы или Евгений Петрович или коренной житель Гренландии. Поэтому нам пришлось к каждому человеку искать индивидуальный подход. Как показывает ваш случай иногда не совсем удачный.

– И что теперь делать?

– Хотите честно?

– Пожалуйста.

– Я думаю, что вам это нужно даже больше, чем нам.

– Неужели?

– Мы уйдем в хранилище и уснем. Нам будет все равно, что творится в мире, хоть апокалипсис. То, что мы до сих пор

не отошли ко сну, говорит только о том, что мы оказались чуть более ответственны, чем другие. На нас была возложена миссия доставить вас сюда и объяснить суть ваших обязанностей. К каждому хранилищу приписана такая группа, состоящая из научного работника и вооруженного отряда. Я сам слышал как по радио сообщалось, что какие-то группы не нашли свою цель. Некоторые по каким-то причинам отказались ее искать. Но мы это сделали, наша миссия завершена, и теперь мы можем уйти в мир грез, плевав на все. Но вы же не можете этого. Мы уйдем, а вы останетесь. Всем нужен смысл: смысл того, что мы до сих пор не спим, в том, что у нас есть задача доставить вас сюда. Теперь мы свободны. А какой смысл жить у вас?

– Я… Ну, я точно не вижу смысла в том, чтобы продлевать вашу жизнь.

– Это с одной стороны. С другой, в вашей жизни будет цель. Спасать жизни людей, которые подобно вашей жене, погрузились в сон. Ей вам не удалось помочь, но ведь люди в хранилище тоже чьи-то мужья, жены, сестры, братья, дети, родители. У вас есть шанс помочь им, у вашей жены не было такого шанса. А у них есть, благодаря вам.

Я смотрел на него и ужаснулся. По его суровому взгляду я догадался, он понял, что случилось с моей женой. Он все понял. Он понял, что я сделал, он понял, кто разгромил архив. И теперь использует это против меня. Хоть и без охоты,

но бьет в самое больное.

– Вы очень страшный человек, Аркадий Борисович.

– Приходится, – мрачно улыбнулся он. – Давайте тогда уж прямо! Таким образом, я предлагаю вам искупить вину.

– Это логично, но очень уж больно. Как вы догадались?

– Я, так сказать, бил наугад. Вы заметно нервничали, когда разговор коснулся вашей жены и разгрома архива. Все мои доводы вы отмели, поэтому я попробовал ударить в эту больную точку, а дальше вы сами сознались.

– Очень жестоко.

– Зато действенно. И ведь, если подумать, когда мы уснем, вы останетесь один на один с самим с собой, с тем, что вы сделали. Если вы останетесь здесь, то у вас есть смысл жить так, чтобы помогать людям. Если вы уйдете, боль со временем станет нестерпимой и сведет вас с ума.

– Я, честно говоря, не знаю, может я уже сошел с ума. А вы не более, чем галлюцинация. И в данный момент я на самом деле сижу в лесу и беседую с деревом.

– Простите за грубость, но для подтверждения реальности вам не хватило удара Евгения Петровича?

– Может мой мозг так все изобразил? А на самом деле я с размаху намеренно ударился головой о какой-нибудь предмет.

– Вы переливаете из пустого в порожнее.

– Все похоже на очень странный, фантастический сон. Вот! Например, откуда здесь свет и тепло? Вы сами говори-

ли, что энергосистема разрушена.

– Артем, – опять снисходительная улыбка. – Разумеется, в хранилище есть собственный источник энергии. Я не буду говорить вам о том, какое топливо используется в нем, поскольку это может вызвать у вас необоснованное беспокойство. Но скажу, что на сто лет его хватит при любом раскладе.

Повисло долгое молчание. Я понимал, что Аркадий в собственных интересах просто надавил мне на больное, разворотил лишь чуть затянувшуюся рану. Но по-своему он прав. Оставшись один, я очень скоро гарантированно сойду с ума. А так у меня будет хоть какое-то занятие, хоть какой-то смысл существования. Он был прав, когда сказал: «Всем нужен смысл». Мой смысл в искуплении вины.

– Вы согласны?

– У меня нет выбора. Вы предоставили мне лишь иллюзию выбора. – «Как и я, своей жене» – пролетело у меня в голове. – Я согласен.

– Хорошо. Я понимаю, что вам необходимо обдумать произошедшее. Можете вернуться в вашу комнату, пока не захотите, никто вас не будет беспокоить.

– Спасибо.

Я немедленно воспользовался его советом и вернулся в мою комнату. Надо же, это теперь мой дом. Я хотел было еще раз воспроизвести в уме нашу беседу, но меня почему-то быстро одолел сон.

7

Мне снилось, что я продолжаю жить, как и раньше: просыпаюсь утром, завтракаю с Линой, иду на работу. Все как в обычный день, но уже как будто из какой-то другой жизни. После работы я иду домой, где меня ждет ужин. Все в тумане, Лина мне что-то говорит, что-то спрашивает, я не могу разобрать ее слов.

Я словно нахожусь на дне колодца. Звук доходит откуда-то издалека и многократно искажается эхом, я не могу разобрать ничего из того, что говорит Лина. Гул в голове начинает нарастать. Уже ломит виски.

«Что происходит?» – кричу я Лине, пытаясь перекричать этот гул.

Она беспокойно смотрит на меня и что-то говорит, я опять же ничего не могу разобрать. Я вскакиваю со стула, голову будто сжимает в тисках, я чувствую, как боль растекается по голове. Меня шатает по комнате, Лина несколько раз споткнувшись, подбегает к аптечке и пытается что-то найти. От боли я начинаю скрежетать зубами.

Сквозь гул в голове я слышу, что Лина зовет меня по имени. Она кричит мне: «Витя, подожди, я сейчас!» – я пытаюсь понять, почему она меня так зовет, ведь я Артем. Но тут голову пронзает острый приступ боли.

«Прости меня!» – кричу я.

Лина замирает с аптечкой в руках и что-то мне говорит. Кажется, она что-то кричит. Я падаю на колени, Лина подбегает ко мне, я вижу перед собой ее бледное лицо и ее испуганные глаза. Тут меня настигает пик боли, и я просыпаюсь.

Я вскакиваю с постели, вся постель и белье, мокрые от пота. Я тяжело и часто дышу, через пару секунд боль превращается в шум в голове и вскоре совсем сходит на нет. Сердце продолжает бешено биться о ребра, но постепенно замедляется. Если мне теперь всегда будут сниться такие сны моему разуму недолго осталось. Я постепенно прихожу в себя, чувства возвращаются. Тут я понимаю, что гул в голове стих не до конца и это вовсе не гул, а сигнал тревоги.

Я прямо в белье выбегаю в коридор. В кишке у одной из крайних дверей стоит Аркадий. Он подзывает меня к себе.

– Извините, Артем, но вы спали почти десять часов. Не волнуйтесь на счет тревоги это лишь часть процедуры, о которой я вам говорил, – тут он замечает, что я весь мокрый и не совсем ровно дышу. – Артем, что с вами? Вам нездоровится?

– Тре… – я пытаюсь что-то ему сказать, но у меня пересохло в горле, кое-как, прочистив горло, я хриплю ему в ответ. – Тревожные сны. Видимо, теперь они будут меня посещать часто.

Аркадий Борисович понимающе кивает головой и меняет тему.

– Артем, это сигнал того, что вам пора выполнять свои обязанности. Сирена включается каждые двенадцать часов, на пятнадцать минут раньше срока. Это значит, что у вас есть эти пятнадцать минут для выполнения вами нехитрых манипуляций. Готовы?

– Конечно, – я хотел придать голосу уверенности, но вместо этого опять прохрипел что-то неразборчивое.

Аркадий открывает корабельную дверь. За ней нас встречает комнатка, очень маленькая, хотя, возможно, так кажется из-за того, что здесь много оборудования. В одну из стен встроен монитор. На экране очень много цифр, половина из них подсвечены зеленым, а другая половина вообще не подсвечена. Аркадий, перехватывая мой взгляд, говорит:

– Это табло показывает состояние людей в капсулах. Зеленый оповещает о том, что состояние человека нормальное, красный оповещает о том, что признаков жизни нет. И не подсвеченные – это пустые капсулы. В связи с пропажей архива мы не смогли найти довольно большое количество людей… – Аркадий несколько смутился.

Я сделал вид, что меня это абсолютно не задело, и продолжил осмотр. Кроме табло, в комнате находилось что-то на подобие трех бочек. От бочек отходила целая куча железных трубок и уходила куда-то в стену. Так же у каждой бочки имелся кран и устройство для присоединения шланга. К одной из бочек в данный момент был присоединен достаточно увесистый шланг, другой конец шланга уходил куда-то

в противоположенную стену. В верхней части этих сосудов находилось по дисплею. Их показания мог считать и орангутанг. Очевидно, что это были показатели уровня жидкости в бочке, причем показания были наглядными, на дисплее была отображена эта самая бочка, рядом с ней шкала с красной зоной внизу, зеленой вверху и просто бесцветной посередине, желтым отображался уровень жидкости. У той бочки, к которой был подсоединен шланг, уровень находился в красной зоне. В двух остальных бочках показатель уровня был в зеленой зоне.

– Достаточно наглядно, не так ли?

– Да, просто интуитивно я бы сказал.

– Есть пара нюансов, для которых вы здесь и находитесь.

– В смысле.

– Минутку.

В этот момент Аркадий взглянул на часы и поторопился к бочке, которая сейчас сигнализировала о малом уровне. Он аккуратно перекрыл кран, скрутил шланг, подсоединил его к другой бочке и открыл кран. Сирена тут же перестала визжать.

– Простите, но мы с вами замешкались и не осталось времени для того, чтобы все объяснить.

– Да, – я кивнул, в принципе объяснять тут было нечего, все просто как два пальца. – Так что за нюансы?

– Как вы заметили, тут три сосуда, к которым можно подсоединить шланг. На каждом есть дисплей. Такая нагляд-

ность нужна вам, то есть их оператору. Это, можно сказать, некоторое упрощение. Эти сосуды являются расходными баками, в них раствор попадает из большого сосуда расположенного в цеху. Уровень самой жидкости набирается за считанные секунды, но в силу особенностей процесса синтезирования раствора необходимая концентрация веществ достигается уже в расходном баке, именно эта информация предоставлена вам в виде уровня жидкости. То есть ваша обязанность проста. Сирена оповестит вас об опорожнении одного из расходных баков, вы отсоединяете шланг от опустевшего бака и присоединяете его к тому баку в котором показатель находится в зеленой зоне.

– Сейчас оба бака были в зеленой зоне.

– Вообще двух баков вполне достаточно для функционирования системы. Третий запасной. Вообще по проекту было два запасных бака. Это обусловлено определенными правилами строительства подобных систем. Но производство давно не функционирует в должной мере, поэтому в ходе строительства данного хранилища мы не смогли получить четвертый бак, в силу этого обстоятельства тут лишь три сосуда. Вам ясны ваши обязанности?

– Да все просто. Только один вопрос. Что если ни в одном из баков уровень не будет находиться в зеленой зоне?

– Это уже поломка системы, вы ничего не сможете с этим сделать. А значит тем самым освобождаетесь от ваших обязанностей. Сейчас давайте пройдем в вашу комнату, я осмот-

рю ваш глаз.

Мы вышли из комнаты с баками. В коридоре топтался один из подчиненных Муслина. Он ничего нам не сказал, но смотрел на нас с диким нетерпением и переминался с ноги на ногу.

Мы зашли в мою комнату Аркадий осмотрел мою рану, обработал ее и наложил свежую повязку. Он еще не успел отложить медицинские принадлежности, как в комнату ворвался тот самый человек, стоявший в коридоре.

– Ну что?

– Все вроде в порядке… Но я хочу понаблюдать за ним еще сутки, ведь надо снять швы.

– Бл… – человек грязно выругался. – Ну да ладно сутки не такие уж и длинные.

С этими словами он выбежали комнаты и куда-то оправился, громко причитая.

– Некоторые люди борются со своим сном только благодаря выдержке, – сказал Аркадий, хотя я его не о чем не спрашивал. – Муслин и его отряд давно бы уже спокойно спали, если бы не жесткая дисциплина, которую Евгений Петрович соблюдает в своем отряде. Их от сна уберегает долг, им приказали проследить за доставкой вас в хранилище и, пока они не исполнят приказ, не успокоятся. Но их нервы на пределе, видите, начинаются мелкие срывы. Никто не хочет быть собой, когда есть возможность побывать кем-то другим.

– А что удерживает вас?

– Голова на плечах.

– Не совсем понял?

– Я понимаю, что если усну до того как буду уверен, что хранилище работает нормально, то умру от истощения. А этого бы мне совсем не хотелось.

– Мой глаз действительно плох? Или не это причина?

– Артем, вы очень проницательны. Глаз ваш, конечно, доставляет вам неудобства, но у меня он не вызывает опасений. У меня две причины остаться с вами еще на сутки. Первая: я хочу увидеть, как вы сами проделаете операцию по подсоединению сосуда. Вторая: ваше душевное здоровье все-таки внушает мне некоторое опасение. Я бы остался здесь более чем на сутки, но тогда отряд Евгения Петровича окончательно выйдет из под контроля.

– Я понял вас. Можете не беспокоится, я не позволю вам умереть… от голода, – я улыбнулся, Аркадий тоже мрачновато ухмыльнулся. – Еще вопрос. Неужели нельзя было автоматизировать этот процесс?

– Артем, я не знаю, я не проектировал это сооружение. Конечно, логичнее все было бы доверить автомату. Но вероятно проектировщик решил, что устанавливать и настраивать эту систему будет уже некому и возложил эту обязанность на человека. Я не уверен в этом, но это самое логичное предположение.

– Действительно, логично.

– А сейчас можете прогуляться. Сходите на улицу, про-

ветритесь. Вы уже достаточно давно не были на улице. Выйдите в коридор и идите к двери, которая находится с противоположенной стороны от входа в комнату с резервуарами. Приятной прогулки.

Я вышел из комнаты и направился к двери, находившейся прямо противоположено той, которая вела в комнату с баками. Прокрутив колесо, я открыл дверь, она вела в маленький предбанник с одной единственной дверью. Собравшись с мыслями, я толкнул простую, но массивную деревянную дверь без засова, которая очевидно вела на улицу.

На улице же стоял теплый весенний вечер, на небе не было ни облачка, звезды и луна достаточно освещали все вокруг. Я огляделся, однако, здесь очень красиво, тогда я, честно говоря, не задумывался, что спустя три года одного взгляда на окружающий пейзаж будет достаточно, чтобы впасть в уныние. На пристани, которую я позже облюбовал, сидели люди, как нетрудно догадаться, это были ребята Петровича. Я мешкал думая подойти к ним или нет. Я и они, люди с разных планет, к тому же они из-за меня застряли здесь на сутки и, по-моему, были весьма огорчены данным обстоятельством. Да и без этого, о чем нам говорить? Человечество нередко задает себе вопрос о том, какими загадочными и чужеродными будут инопланетяне, когда мы встретим их. Хотя зачастую два человека отличаются, друг от друга на столько, что кажутся двумя разными созданиями: один с одной планеты, другой с другой. Так и здесь я и эти люди. В обыденной жиз-

ни мы бы никогда не встретились, а если бы и встретились, то прошли бы мимо друг друга, понимая, что у нас нет ничего общего, никаких точек соприкосновения. Но судьба-злодейка любит сталкивать людей. Причем, кто знает, с кем плечом к плечу ты окажешься завтра.

Тем временем, пока я стоял и переливал из пустого в порожнее, меня заметил один из ребят, помахал рукой и поманил к себе. Я неспешно спустился на пристань. Трое ребят сидели на лавочке, Петрович и тот парень, который поджидал результатов перевязки, сидели на какой-то старой бочке, наверно, она валялась здесь никому не нужная уже много лет. Они все негромко переговаривались, но когда я подошел ближе все затихли. Повисла настолько неловкая тишина, что мне захотелось бегом вернуться в хранилище и запереться в своей комнате.

– Ну что мы как нелюди в самом деле? – заорал один из солдат, сидящих на лавке. Встал и подошел ко мне с протянутой рукой.

– Олег.

Все остальные обступили меня и повторили этот жест. Артем, «Роман. И даже Петрович представился зачем-то еще раз. Но тут я заметил, что парень, который сидел на бочке остался недвижимым. Я посмотрел на него вопросительно. Неужели он затаил такую глубокую обиду.

– Нет, ты не подумай, я не со зла, – будто прочитав мысли, сказал он. – Ты все равно не запомнишь наши имена, даже

если постараешься. Через пару лет, да что уж там, через пару дней, все это вылетит у тебя их головы. А вот парня, который отказался с тобой знакомиться, ты запомнишь на более долгий срок, а я почему-то очень хочу, чтобы кто-то из живых меня помнил.

Повисла пауза.

– Мы же будем тебя помнить, – сказал, кажется, Роман.

– Я сказал из живых. А мы с вами завтра перестанем относиться к их числу.

– Ты же сам сегодня взбесился, что останешься здесь на сутки, – не выдержал я.

– Знаешь… Присядь я попробую объяснить, – он похлопал по бочке рядом с собой. Остальные, махнув на нас рукой, вернулись к своему разговору, который я прервал.

– У тебя же нет устройства в голове? Правильно? – после того как я кивнул, он продолжил – Давай построим такую параллель. Давай возьмем опиаты. Пусть будет героин. Ты пробовал героин?

– Нет.

– Отлично. Но ты знаешь, что он приносит удовольствие, верно?

– Да. Но не только…

– Подожди. В первую очередь он приносит удовольствие. Ты никогда не пробовал его, но знаешь что это приятно. Тебе не понять, что это за удовольствие, но ты знаешь, что оно существует. Понятно излагаю?

– Да. То есть ты хочешь сказать, что мне не понять этого и пытаться не стоит?

– Да, но с выводом ты несколько поторопился. Так вот, а теперь представь удовольствие, которое ты понимаешь. Причем возможно, ты сам не знаешь, что в этом мире приносит тебе наибольшее удовольствие.

– Не понимаю.

– Когда устройство только попадает тебе в голову, сначала ты как бы выполняешь во сне свои поверхностные желания. То есть покупаешь себе виллу или становишься рок звездой. Но потом понимаешь, что теперь тебе нечего бояться и стесняться, а в средствах ты больше не стеснен, и тут открывается твое настоящее я. Причем оно может тебя удивить или даже шокировать. Например, ты всю жизнь хотел, допустим, Феррари. Ты какое-то время наслаждаешься этим, но потом бах и понимаешь, что это оказывается совсем не то, что тебе нужно. А нужно тебе как оказывается, чтобы тебя связывали и натирали соски солью. Ну, или что-то в этом роде.

– Удивительно.

– Удивительно то, что наши «мечты» на самом деле продукт воспитания и промывания мозгов обществом.

– Моя жена вот, например, оказывается любила… Любит, чтобы ее ублажали на каком-нибудь лазурном берегу сразу несколько человек. А мне говорила, что путешествовала.

– Я думаю, поначалу она путешествовала на самом деле. А потом истинное я взяло свое. Просто было стыдно при-

знаться. Ты бы признался, если бы оказался, например, гомосексуалистом?

– Нет, я думаю.

– Или тоже бы рассказывал ей, как ты летаешь на ракете, – безымянный захихикал.

– Подожди! – меня внезапно осенило. Я вскочил с бочки. – Вы же, когда меня искали, наверняка, ко мне домой заходили. Что вы там видели?

– Не были мы у тебя дома, – вместо безымянного ответил Петрович который, как оказалось, невзначай слушал наш разговор. – Оставшись одни, люди, вроде тебя, быстро сходят с ума или накладывают на себя руки. Надо было тебя быстро найти, а кроме дачи и дома у нас не было координат. Поэтому я разделил отряд, половина пошла к тебе домой, а другую ты видишь здесь.

– Ну, так, где же они?

– Спят. Они пришли к тебе домой, тебя там не было. Они быстро прибыли сюда и присоединились к спящим. И ты не хуже меня знаешь, что разбудить спящего нельзя. Прости… – сказав последнее предложение Петрович смутился и извинение звучало, как минимум неискренне.

– А отчет какой-то сохранился? – уже скорее из надежды выпалил я.

– Да кому нужны теперь эти бумаги? Они сообщили по радио, что тебя на квартире нет, и запросили добро на отправку в хранилище. Их задача была выполнена, и я со спокой-

ной душой отпустил их. Кто же знал, что ты захочешь что-то узнать? – Петрович опять замялся, видимо, кроме него и Аркадия никто ни о чем не догадывался.

Я кивнул и молча вернулся на бочку к безымянному. Он ничего не сказал, только вопросительно на меня смотрел. Потом достал пачку сигарет и так же молча закурил. В тот момент я понял, что мне хочется кому-то рассказать о том, что случилось, как будто сделать чистосердечное признание. Я открыл было рот, чтобы вывалить на него всю свою историю, но он опередил меня и заговорил.

– Знаешь, что видим мы в своих снах? – спросил он, смотря куда-то вдаль.

– Я… Нет, – мне каким-то чудом удалось сдержать словесный поток, который был готов вырваться из меня.

– Я, правда, могу с уверенностью говорить только за себя, но тем не менее. Всю свою сознательную жизнь я посвятил службе, был в разных горячих точках. И что таить греха довелось лишать людей жизни. Я не терминатор, которому на все плевать, и, конечно, все это отразилось на моем характере. Поэтому мне не повезло завести семью, конечно, девушки у меня были, уж не знаю, что они во мне находили. Но все это было так скоротечно, в один момент я понимал, что все, она меня бесит, прости, прощай и все дела. Причем они не были какими-то стервами-оторвами, одна из них, когда я сказал, что все, мол, отвали, побежала варить мне борщ и неделю бегала ко мне в слезах, просила простить ее. Не

знаю, за что, может, конечно, она мне рога нарастила и решила, что я об этом узнал, не знаю, не узнать, да и плевать. Другой я в порыве ярости чуть не сломал челюсть, так она с утра, как ни в чем не бывало, напудрилась, накрасилась и говорит, давай забудем вчерашний вечер. Моя совесть велела бежать от нее со всех ног. Иногда женщины меня удивляли, когда я старался показаться девушке шелковым и мирным, она быстренько сбегала сама, а когда на меня накатывало, я бил ее или оскорблял, она старалась сблизиться со мной. Не знаю, наверно, когда программировали женский мозг, допустили какую-то ошибку.

Так вот, когда мне вшили эту штуку, я твердо решил, что хочу быть счастлив с семьей. Во сне я создал себе некоторый собирательный образ девушки, которая и будет моей женой. С ней я был нежен и добр, а она при этом не пыталась вытереть об меня ноги. Потом мы поженились… ну в этом… во сне. Потом решили завести детей, все было, как в мультиках, и жили они долго и счастливо. И в один момент я понял, что это ужас. Я во сне сидел рядом с колыбелькой и понял, что меня все это просто раздражает до ужаса. Я боролся с желанием перевернуть нафиг колыбельку и раздавить ногой это кричащее нечто, а после этого подойти к жене, пробить ей с вертушки и выкинуть с балкона.

Я проснулся и понял, что больше в этот сон я не вернусь, не быть мне добрым семьянином. Позже, вернувшись ко сну, я создал себе реальность, в которой идет третья мировая, ес-

ли можно так сказать, и я такой же солдат, как и сейчас, только вокруг не опустевший мир, а царство насилия. Все новые операции во все новых точках мира. И я понял, что вот она оказывается моя мечта – я пес войны. Безжалостный и кровожадный варвар, а не добрый христианский семьянин.

– Даже так… – промяукал я себе под нос.

– Нет, это так и работает. Вот тот парень, – он ткнул пальцем в одного из людей, с кем я недавно знакомился. – Как его зовут, кстати?

– Иван.

– Вот о чем я и говорил, но не суть. Так вот мы с ним только в аду не были. Он всю жизнь мне в уши заливал, что мечтает о том, чтобы купить остров. Но поставили ему устройство, пожил он месяц на острове, а потом понял, что ему надо на самом деле. Дело в том, что он из деревеньки глухой, там у его семьи дом свой. Где-то через полгода как он в армию ушел, дом взорвался, газовые трубы были старые уж больно, ничего не осталось. Ни дома, ни семьи, так он в армии и остался. И вот во снах он от виллы на острове перешел к кособокому дому, где его семья живет.

– Хорошая мечта.

– Никто и не спорит, но хотел-то он на остров, мечтал о нем. Так вот, а вот тот парень, он указал на соседа, он все говорил, что хочет себе фотомодель в любовницы, «сисястую блондиночку» как говорится. Вот он с этой блондиночкой два месяца развлекался, все помню нам в подробностях рас-

сказывал так, мол и так он ее. А потом бац, – безымянный хлопнул в ладоши. – И замолчал. Совсем, на вопросы не отвечает, краснеет.

И выяснилось, что он там блондинку «сисястую» поменял на свою школьную любовь, к которой нежные чувства в одиннадцать лет испытывал.

– Ну и что тут такого-то.

– Да ничего. Только вот ей как одиннадцать лет было, когда он по ней воздыхал, так в его сне и осталось.

Когда до меня дошло, я, видимо, ощутимо скривился.

– Вот! – сказал он, подняв вверх указательный палец. – О чем я и говорю. А о чем мечтаешь ты?

– Я… Я хочу, чтобы всего этого не было. Чтобы Станкич не придумывал устройство, чтобы мы жили как раньше.

– Как по писаному говоришь. Хотя мы с тобой не можем друг друга понять.

– Верно.

Тут группа, где стоял Петрович, разразилась смехом, кто-то видно рассказывал старую хохму. У меня на короткую секунду создалось впечатление, что ничего не произошло, все это был сон, и я просто на пристани со старыми друзьями. Но наваждение быстро прошло.

– Знаешь, – сказал вдруг безымянный. – Не надо никому рассказывать свою историю, и не надо мне тут заливать про то, что ты не собирался. Я же не слепой. А кроме того я не тупой, все догадываются, что произошло. Но никто тебе ни-

чего не скажет, потому что никто не знает, как он бы повел себя в этой ситуации. Никто не может тебя в чем-то обвинить, но и никто не будет тебе сочувствовать. Вот лучше покури, а то как не родной.

– Я так-то не курю.

– У тебя там курева лет на двадцать в загашнике, я бы на твоем месте начал.

– А давай.

Я закурил, когда-то в юности я, как и все, пробовал курить – ведь это было так круто. Но потом бросил за ненадобностью. Поэтому, как в кино, когда человек закуривает и сразу закашливается, как старый туберкулезник, не получилось. Сигареты были дрянные, но, видимо, это единственное, что осталось в этом мире.

Я какое-то время посидел с безымянным, ожидая, что он что-то скажет, но он молчал и смотрел куда-то в пустоту перед собой. Остальные все так же травили хохмы. Посидев еще немного, я притомился и, сославшись на усталость, отправился спать.

Утром Аркадий снял швы и перевязал мне голову, сказав, чтобы я завтра снял повязку и не беспокоился больше об этой ране. Поскольку при этом глаз не болел абсолютно, он констатировал, что у меня, видимо, поврежден нерв, но с этим ничего нельзя сделать. Я не очень переживал по этому поводу, меня вообще мало, что трогало в последнее время.

Потом заорала сирена. Я засек по настенным часам, висящим в каждой комнате, она начинала пищать ровно в 9.45. Я прошел в комнату с сосудами и выполнил те нехитрые манипуляции, что мне были предписаны. Аркадий был доволен.

– Поздравляю, Артем, теперь мы можем со спокойной душой покинуть вас. – Аркадий улыбнулся, но настолько натянуто, что я поспешил успокоить его.

– Аркадий, не волнуйтесь, пока ваше состояние зависит от меня, я вас не подведу, обещаю.

Аркадий снова улыбнулся, еще более искусственно. Видимо, мое замечание только встревожило его, а не успокоило. Мы вышли из комнаты с баками, Аркадий называл ее аппаратной.

– А что за теми двумя дверьми? – я указал на две двери, которые находились на одной стороне. Напомню, на другой стороне находились три двери спальня, кухня и санузел. Про санузел я узнал по характерной табличке на двери. А вот на этих дверях не было никаких надписей, и никто в эти комнаты не заходил, насколько я видел. Я решил, что там находится тот самый источник энергии, про который мне лучше не знать.

– Дурак, – сказал Аркадий и смачно хлопнул себя по лбу. – Простите мне мою глупость. Как я мог это забыть?

– Я вас не совсем понимаю, Аркадий Борисович.

– Проходите, – и он толкнул ближайшую дверь. – Я забыл провести вам экскурсию по вашему месту обитания, у меня

нет оправданий, я не знаю, как мог так жестоко ошибиться и забыть показать вам ваши апартаменты. И объяснить, что здесь к чему. – Аркадий густо покраснел.

За дверью находился, по всей видимости, склад, здесь было большое количество стеллажей, все они были полностью заполнены, и сбоку от каждого был список, очевидно, того, что хранится на стеллажах.

– Это склад ваших припасов. Тут еда, одежда, инструменты и прочие принадлежности.

– Я, конечно, не семи пядей во лбу, но уже понял.

Я подошел к одному из стеллажей, здесь в списке значились консервы, я взял банку тушенки повертел ее в руках, обычная банка тушенки. Я обратил внимание на срок годности изделия.

– 25 лет. Что ж, а дальше что? – спросил я Аркадия, показывая ему банку.

Его глаз дернулся, и он изобразил невинную улыбку.

– Я понял, что у нас с вами один срок годности с тушенкой, – блеснул наичернейшим юмором я.

– Занимательно. А вы умеете готовить, Артем?

– Да не очень.

– Тогда, пожалуйста, пройдем в следующую комнату.

Аркадий пулей вылетел со склада, видимо, ему моя шутка не понравилась. Да и не удивительно, я так понял, что он, показав мне мои обязанности, забыл объяснить мне, как мне тут собственно жить. Он гордился своей, пускай, и грязной,

но все-таки уверенной психологической победой, благодаря которой убедил меня, что это все надо и мне. А теперь из-за такой ошибки вся его победа уже не выглядела так безупречно. Он, наверняка, корил себя за то, что теперь я уже буду относиться к нему иначе.

Почему-то мне было жалко Аркадия, он все время казался таким уверенным и внутренне сильным. А теперь выглядел как нерадивый школяр. Он слишком серьезно отнесся к данной собственной оплошности, если бы он сделал лицо кирпичом, и сказал, что, мол, теперь давайте проведем экскурсию, я бы даже не обратил внимания. Но он растерялся и теперь вел себя совершенно иначе чем до этого. Кто знает, может это и есть настоящий Аркадий, замученный и затравленный врач провинциальной больницы. А не уверенный в себе успешный доктор, каким он был до этого? Я еще немного побродил по складу, на самом деле, чтобы дать время Аркадию прийти в себя, и нашел полку с сигаретами и спичками и взял себе по пачке. Сигареты были другой марки, нежели имелись у безымянного, насколько мне позволяет судить память мои были более престижными. Что ж надо будет поделиться.

Я пошел в соседнюю комнату, у двери меня ждал Аркадий, который за это время взял себя в руки, и снова выглядел спокойным и непоколебимым.

– Артем, прошу вас простить мое поведение. Я допустил оплошность, а оплошности всегда выбивают меня из колеи.

– Аркадий, успокойтесь, все в порядке. В моем душевном равновесии ничего не поменялось. Мне все так же надо что-то есть, склад еды в соседней комнате. А где еще в этом мире осталась еда мне неизвестно, поэтому я отсюда никуда не денусь. А два раза в сутки покрутить вентиль меня не обременяет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.